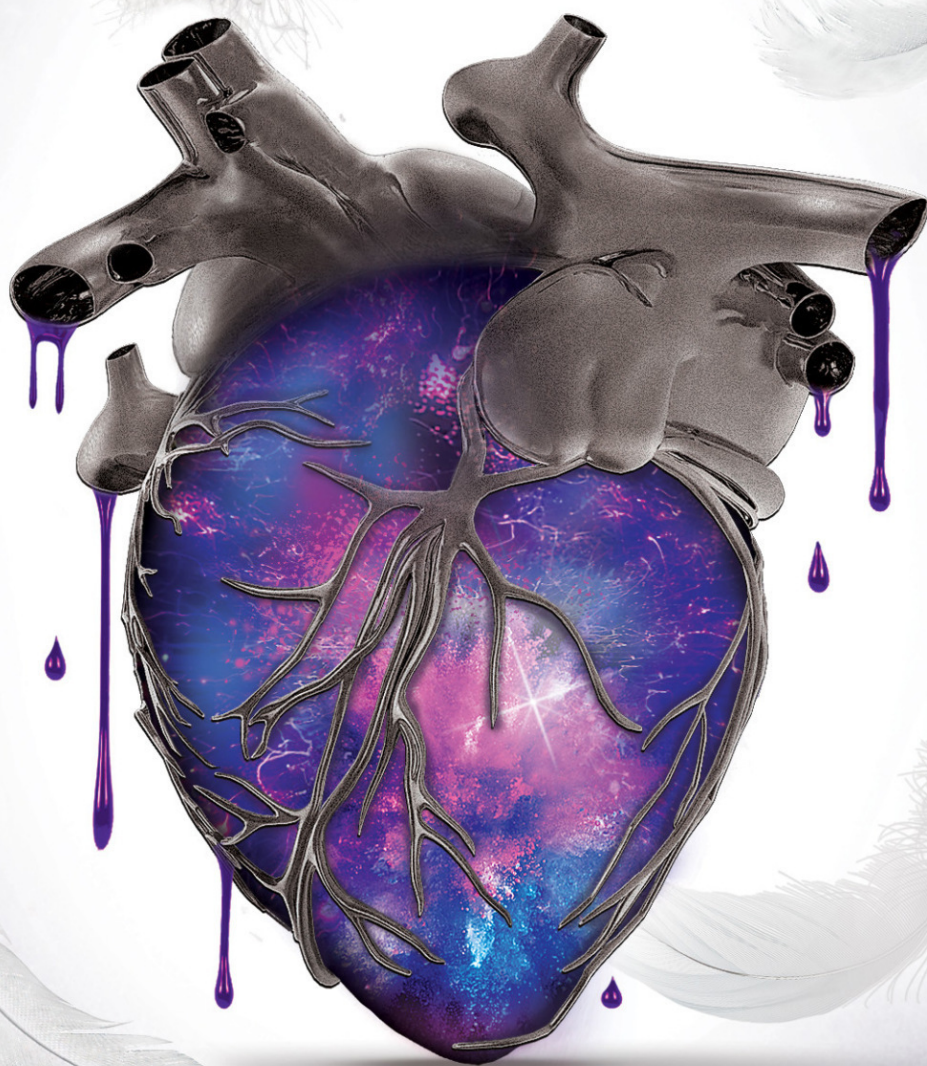


КРОВЬ БОГОВ



СТЕЛЛА ТАК

18+

Ворриор и Пиас

Стелла Так
Кровь богов

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Так С.

Кровь богов / С. Так — «Эксмо», 2018 — (Ворриор и Пиас)

ISBN 978-5-04-115750-0

Прежде чем прочесть книгу, вам следует узнать пять фактов обо мне: 1. Меня зовут Ворриор Пандемос. 2. Я дочь богов, страдающих манией величия: Аида и Афродиты. 3. Я родилась с генетическим дефектом, который называют «Эффект Медузы». Один взгляд на мое прекрасное лицо – и ты уже сходишь с ума! 4. В отличие от своих родителей я человек. Но последнее время со мной происходят очень странные вещи: кровь стала серебряной, я постоянно слышу голоса у себя в голове, а смертельные раны не причиняют мне никакого вреда. 5. И наконец, я столкнулась с опасным преступником прямо посреди улицы. Его зовут Пиас. Он сын Зевса и настоящий красавчик. А еще безумец, который пытается свергнуть богов с Олимпа. При чем тут я? Я собираюсь ему помочь.

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-115750-0

© Так С., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	44
Глава 6	54
Глава 7	57
Глава 8	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Стелла Так КРОВЬ БОГОВ

Для моей сестры Луны, без которой этой книги и вовсе бы не было.



Глава 1

Я – настоящий фрик

– Имя?

– Э-э...

– Имя! – рявкнула фурия¹ со стойки регистрации. Ее голос при этом поднялся так высоко, что стакан с водой на письменном столе зазвенел. Я с трудом подавила желание закатить глаза. Все нормально, надо просто сделать глубокий вдох.

– Ворриор Пандемос! Вы знаете меня с самого рождения, Глэдис, и вы точно в курсе, кто я такая!

Фурия с сомнением прищурила свои пороссячьи глазки и подчеркнуто медленно поправила свои остроконечные очки.

– Правда? Я так плохо тебя вижу, дитя. Подойди немного ближе.

Я наклонилась вперед.

– Ближе!

Мой живот буквально уперся в измазанный жиром стол.

– Ближе!

Я сократила расстояние между нами до минимума.

– Ближе!

Отлично, теперь я могла сосчитать количество волос в носу у Глэдис.

– Теперь достаточно?

– Что?

– Так достаточно близко?!

– О боги! Почему ты так кричишь?

– Я... плевать. Мне что, придвинуться еще ближе?

– Что? Нет! Зачем? Твой капюшон все равно мешает мне рассмотреть лицо. Это такая странная человеческая мода? Будь приличной девушкой и сними его! – Глэдис оглядела меня так, словно я скрывала под ним бомбу.

Грр. Я стиснула зубы и выпрямилась.

– Капюшон останется на месте, – дружелюбно сказала я. – Проверьте мои личные данные. Ворриор Пандемос. Вы меня знаете. Я дочь вашего шефа.

– М-м-м... – с сомнением пробормотала фурия, но все же начала что-то печатать на своем компьютере.

Я вздохнула и ненадолго закрыла глаза.

Глэдис работала на моего отца в информационном агентстве Подземного царства, сколько я себя помню. При этом старушка, кажется, ни на день не покидала своего поста. Ни днем, ни ночью. Она сидела за своим письменным столом, как уродливый морщинистый паук, и отравляла жизнь бедным детям богов вроде меня. На ней красовался ужасный розовый свитер с котятками. Как и всегда. У нее был острый, как птичий клюв, нос, усеянный темными бородавками, и бледные губы, сжатые в тонкую линию. Старая добрая Глэдис всегда выглядела раздраженной.

Тем временем позади меня образовалась длинная очередь. Люди нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Демонические бизнесмены в темных костюмах как обычно ждали разре-

¹ Фурия – богиня мести в древнеримской мифологии.

шения войти в Подземный мир. Большинство из них прибыли с форпостов или путешествовали как адвокаты по поручениям Олимпа. Боги обожают судиться друг с другом по поводу... ну... в целом по любому поводу. За типами в костюмах на двух выцветших пластиковых стульях ждала своей очереди измученная парочка. Свет неоновых ламп над нашими головами постоянно мерцал – все это сопровождалось раздражающим электронным жужжанием. Звенящий голос из динамиков непрерывно вещал над головой Глэдис:

– Внимание! Восьмой этаж, пришлите команду уборщиков в санитарные сооружения с первого по седьмое. Слишком большое количество проклятых душ разрывает трубу. Я повторяю, команду уборщиков на восьмой этаж.

– Мисс Пандемос, вы меня слышите? – Нетерпеливый голос фурии отвлек меня от созерцания уродливого пластикового растения, подрагивающего из-за включенного вентилятора.

– Извините, что? – Я виновато посмотрела на Глэдис. Она в очередной раз поправила свои очки, и из ее рта показался раздвоенный язык. Голос из динамика упорно повторял при-слать подкрепление на восьмой этаж.

– Я сказала: имена и адреса родителей!

Я недовольно застонала.

– Ну же, Глэдис, вы годами действуете мне на нервы! Как долго вы работаете на моего отца, лет пятьсот? Вы отлично знаете, кто мои родители. Оставьте эти формальности и просто дайте мне пропуск посетителя! Я и так опаздываю!

– Имена и адреса родителей! – прорычала Глэдис. Ее впалые глаза потемнели и выкатились из глазниц. Фу, мерзость.

Стоявшие вокруг нас люди осторожно сделали шаг назад. Уродливое растение при виде своей хозяйки тут же упало и притворилось мертвым. Я засунула руку под темный капюшон, скрывавший мое лицо, и стерла пот со лба. Правило чистилища номер один – никогда не зли фурию. К сожалению, у меня к этому есть определенный талант.

– Внимание! Внимание, нужна команда охранников на восьмой этаж! Прорвавшиеся души бросаются в персонал фекалиями, – глухо гремел динамик. Я с трудом подавила желание удариться головой обо что-нибудь твердое.

– Хорошо, – выдавила я, подчиняясь воле судьбы. – Отец: Аид Плутон, Повелитель Подземного царства. Адрес: Врата Ада на Стиксе, 666, Аваддон; Мать: Афродита Венера, Богиня любви. Адрес: улица Саншайн, 45, Лондон.

При упоминании имен родителей я измученно скривила лицо. В том, чтобы быть дочерью двух богов с манией величия, мало плюсов.

Глэдис усердно вбивала мои данные в свой доисторический компьютер, которому требовалось лет десять на открытие файла. Этой штукой и убить можно, если, конечно, удастся ее поднять.

– Замечательно, мисс Пандемос. Добро пожаловать в Лимб, также называемый Чистилищем. Чем я могу вам помочь?

Я сердито посмотрела на нее. Один из типов в костюмах позади меня кашлянул. Идиот!

– Мне необходимо получить пропуск посетителя в Олимп, чтобы пройти ежемесячную проверку здоровья, – громко и отчетливо сказала я.

Я посмотрела на настенные часы над столом Глэдис и нетерпеливо переступила с ноги на ногу. Минутная стрелка сломалась, а длинная секундная двигалась назад, поэтому я могла лишь предполагать, что сейчас около половины третьего. Мой осмотр был назначен на два. Проклятие! Мать свернет мне шею.

Глэдис все еще печатала.

– Значит, вы хотите попасть в Олимп? У вас есть на это разрешение, мисс Пандемос?

– Разумеется, есть! Оно... Ох, черт!

Я замерла от страха. Мне вдруг стало холодно и в то же время жарко: я оставила дурацкую бумажку дома! Я нервно похлопала себя по карманам брюк. Ничего, кроме пары центов, жевательной резинки и... мерзость, старого платка. Так и знала, что я что-то забыла. Но, как обычно, я поняла это слишком поздно. Фурия подняла брови и стала стучать по клавиатуре медленнее. Я стиснула зубы.

– Могу ли я увидеть разрешение? – сладко спросила Глэдис, и это стало последней каплей. Я зарычала и ударила кулаком в черной перчатке по стеклянной перегородке между нами.

– Нет, черт возьми, нет! Я забыла его, но вы прекрасно знаете, что у меня есть это разрешение, Глэдис! Просто дайте мне эту проклятую бумажку!

Фурия невозмутимо приподняла бровь, отчего морщинистая кожа на левой половине ее лица соскользнула вниз.

– Умерьте свой тон, мисс Пандемос, иначе мне придется вызвать охранников.

– Вы что, шутите?! – огрызнулась я, одарив старую фурию мрачным взглядом. Вряд ли солнцезащитные очки могли помешать ей увидеть мой гнев. – Просто дайте мне пропуск, или я скажу отцу, чтобы он вышвырнул вас отсюда!

Наверное, мне стоило заткнуться, но с каждой секундой, которую я тратила на ненужные бумажки, я все больше опаздывала на осмотр в Олимпе. Боги такое просто так не прощают. Это принесет мне кучу проблем. Неоновые лампы над нами неистово замигали, и на моем лице проступил холодный пот. Мне действительно нужно было к врачу – и срочно.

Металлический голос из динамика объявил, что разыскиваются пять сбежавших душ, умерших примерно между семнадцатым и восемнадцатым веками. С полезной информацией по этому вопросу нужно было обращаться в Чистилище.

Глэдис издала нетерпеливое рычание, заставившее сотню ее морщин задрожать.

– Вы угрожаете мне, мисс Пандемос? Отлично, я вас предупредила. Может быть, два дня в Даунтауне научат вас правилам приличия.

– Что? Нет! Что вы делаете? – спросила я, но было уже поздно. Комната зашаталась. Вся очередь пришла в движение, некоторые посетители упали. Стакан с водой, стоявший рядом с Глэдис, зазвенел, а с потолка отвалилось несколько кусков штукатурки. Я быстро ухватилась за стойку регистрации, но землетрясение прекратилось столь же внезапно, как и началось. В зале ожидания из ниоткуда появилась широкая дверь, что повлекло за собой дальнейшее осыпание крошки с потолка на головы всех присутствующих. Очередь отодвинулась назад, когда дверь распахнулась и в комнату вошли два мускулистых цербера.

Я застонала:

– Только не собаки.

Из грязных ртов зверей капала слюна. Их светящиеся красным светом глаза были направлены на меня, глухое рычание наполнило обшарпанный кабинет. Через пару секунд собаки начали отряхиваться, а затем расти: послышался хруст костей и звук разрывающегося мяса. Лапы превратились в руки и ноги, а мех – в кожу. Вздохнув, я почесала затылок и уставилась на охранников Майлона и Кротона, представших передо мной как две горы мышц.

– Ух ты! Привет, Майлон! Кротон! Давно не виделись, как у вас двоих дела? У нас с Глэдис небольшие разногласия, но нет ни единого повода переживать. – Я медленно отступила на шаг назад и подняла руки, сдаваясь. Церберы – это «секьюрити» подземного мира, если их можно так назвать. Они были сильными, быстрыми, жестокими и почти неуязвимыми. Правда, такие вещи, как продуманность действий и регулярный душ, не являлись их сильными сторонами. Они выполняли каждый приказ, каким бы странным он ни был. Я невинно округлила глаза и поняла, что побег сейчас определенно лучше, чем тюрьма. Плевать на осмотр! Пройду его позже. Я развернулась и дала деру, по крайней мере, попыталась. Я пробежала четыре жалких метра, прежде чем Майлон схватил меня сзади и прижал к полу, выбив весь воздух из моих легких.

– Господи, неужели это так необходимо? – хмыкнула я, распахнув глаза от ужаса, но вместо пощадки Кротон тоже упал на меня. – Пфф!

Мою грудь сдавило, и мне было нечем дышать.

– Отведите ее в Даунтаун! А я сообщу ее отцу о том, что у его дочери совершенно отсутствуют манеры! – довольно прохрипела Глэдис, пока два цербера выворачивали мне руки за спиной.

– Да хватит уже. В этом нет необходимости, я все равно опоздала.

Мои ребра болели от столкновения с полом, а легкие... Странный свист при вдохе и выдохе – это нормально? Хм.

Не обращая внимания на мои попытки вырваться, охранники втолкнули меня в дверь. Прежде чем она захлопнулась перед моим носом, я увидела, с каким довольным выражением лица каждый в очереди сделал шаг вперед.

– Неужели опять?! – Я с горечью опустила голову. Это был действительно омерзительный день, а ведь вечер еще даже не наступил. Утопая в жалости к себе, я подняла глаза. Я находилась в лифте, которых в Аваддоне было несколько, иначе было бы довольно уютно переходить с одного этажа на другой. Здесь легко можно было бы потеряться на несколько десятилетий. Все это напоминало лабиринт из ярких слоев торта, странно собранных вместе. Этажи отличались друг от друга. Некоторые из них были абсолютно нормальными: маленькие городки с уютным центром, где можно выпить кофе и поесть мороженого. Другие этажи, напротив, были безумными кошмарными мирами, состоящими из дыма и огня. На них можно было столкнуться с существами, которые в обычной жизни должны носить намордники. Например, на этаже 99-м обитал гоблин по имени Фрэнк, ответственный за бухгалтерию. Отличный парень. В нижнем ящике стола у него всегда были леденцы на палочке с вишневым вкусом. Однако если потеряться на 61-м этаже, рискуешь быть съеденным морским чудовищем. Лифты были настоящим благословением, позволявшим избегать подобных встреч. Тот, в котором находилась я, к сожалению, ехал лишь до одной станции: Даунтаун.

Дзынь.

Двери лифта распахнулись. Я окинула взглядом влажные стены каменного и очень-очень темного тоннеля. Снова. Мои плечи опустились. Я так облажалась. Свет лифта рассеивал темноту тоннеля лишь на несколько метров. Я увидела синекжего пикси, бегущего по земле. Существо, ослепленное ярким светом, остановилось на месте и зашипело в мою сторону, клаясь своими маленькими и острыми как бритва зубами. Желтые глаза злобно прищурились, а затем пикси снова исчез в темноте. Да уж, моему отцу бы это точно не понравилось. Эти чудовища были хуже, чем любая крысиная чума: своими зубами они могли перекусить даже лифтовой кабель, снова и снова провоцируя ужасные аварии. Для того чтобы держать пикси под контролем, нужно было запастись тонной ядов для борьбы с этими вредителями. Там, где показывалось одно существо, прятались и тысячи других – на стенах или за ними. Я подозрительно посмотрела на пол, выискивая других смертоносных грызунов, но в коридоре было пусто. Я вышла из лифта. Двери закрылись, забирая с собой остатки света. Что-то загремело. Пол зашатался, отчего меня слегка повело в сторону, и кабина исчезла так же быстро, как и появилась. На секунду я зажмурилась, а затем начала осторожно пробираться вперед. Я так часто была в Даунтауне, что церберы моего отца даже не сопровождали меня, чтобы защитить. Я знала, куда идти. Передо мной простиралась длинная и холодная шахта, с потолка которой все время капало что-то мерзкое. Отовсюду доносились крики мучеников. Пол был мокрым, и каждый мой шаг сопровождался негромким хлюпом. Сложно было не услышать скрежета маленьких когтей пикси. Волосы на моей шее встали дыбом. Если человек боится темноты, плесени, закрытых пространств, странных существ или потери сигнала Wi-Fi, он бы умер здесь тысячу раз. В чем, разумеется, и был смысл. Ад и все такое. Однако тот, кто бывает здесь так же часто, как я, знает, что всего в десяти метрах есть выключатель света. Капли сверху и крики

мучеников, эхом раздающиеся в темноте, в теории тоже не были чем-то, чего действительно стоило бояться. Хотя здесь и располагались камеры пыток, использовали их очень редко. Вместо этого здесь находились санитарные помещения для сотрудников. Вода для туалетов откачивалась из Стикса, реки проклятых душ, так что наряду с туалетной водой и прочим содержимым в трубу смывались десятки умерших душ. Их стоны и крики были лишь слабым протестом против того, что на них мочились и смывали в канализацию.

Я снова услышала какой-то шум, а после что-то ущипнуло меня за ногу. Я подпрыгнула чуть ли не на метр в высоту и испуганно взвизгнула. Пикси довольно захихикал. Выругавшись, я потеряла ногу и бросила на существо сердитый взгляд, но это лишь заставило его громко расхохотаться. Боже! Эти чудища просто сумасшедшие. Замечательно.

Теперь мне стало страшно. Мне нужен был свет, иначе я стану десертом для пикси.

Ругаясь, я похромала вдоль стены, где нащупала холодную дверную ручку. Продолжая исследовать стенку руками, я выпрямилась и вляпалась во что-то скользкое. Боже! Только бы не сопли тролля! Наконец я нашла выключатель и нажала на него локтем. Он тихо щелкнул, и... ничего не произошло. Нахмурившись, я попробовала во второй раз. Снова ничего. Капля воды приземлилась на мою шею. Я услышала, как надо мной застонали души, а за этим последовал звук туалетного смыва.

– Что за?.. – Ворча себе под нос, я в третий раз нажала на выключатель, но было все так же темно, как и раньше. Отчаявшись, я прислонилась к двери. О нет, только не это. В аду были ужасные проблемы с электричеством. Пикси часто надкусывали провода. А теперь мне придется пробираться к камерам пыток сквозь темноту. Отлично. Просто замечательно! Я раздраженно облокотилась на стену и задумалась. Звук смыва напомнил мне о том, что я еще в обед хотела сходить в туалет. Из-за стресса и попыток успеть на осмотр в Олимпе я просто проигнорировала это желание. Но сейчас мне и правда очень хотелось. К счастью, за одной из этих дверей был туалет. Если, конечно, за последние несколько дней его не переквалифицировали в кладовку или что-то вроде того. Здесь никогда нельзя знать наверняка. Может быть, хотя бы в той комнате работает электричество. Санитарные помещения с недавних пор оборудованы аварийным генератором, потому что некоторые сотрудники в темноте целились не туда. Уборщицы отказывались постоянно исправлять этот беспорядок. Было несколько забастовок, а в конце к этому даже присоединился ПСРСО (Проклятый Союз Работников Сферы Обслуживания), и Аиду пришлось либо успокаивать бастующих, либо подвешивать их за большие пальцы.

Так что шансы найти свет у меня были неплохие, попытаться точно стоило. Моргая, я снова бросилась искать ручку, которую вскоре нашла, и надавила на нее. Дверь легко открылась. Я сунула голову в комнату и чуть не задохнулась. Меня сбивали с ног запахи искусственного лимона, мочи и черной магии. Я сморщила нос, и мне больше не хотелось заходить в эту вонючую дыру, но мой мочевой пузырь так в этом нуждался, что я все-таки зашла в туалет. Маленькие когти пикси тут же врезались в дерево, и раздался ужасающий смех. Фыркнув, я пнула его. Существа испуганно заверещали и убежали прочь. Замечательно. Теперь осталось найти выключатель. Подгибая ноги, я провела рукой по потрескавшейся плитке и нажала на него. Загорелся зеленый свет. Я заморгала и стала ругаться:

– Дерьмо, это еще что такое?

Все вокруг меня выглядело так, будто здесь стошнило тролля, а после этого он во всем этом энергично повалился. Моя обувь приклеивалась к полу, пока я осторожно приближалась к унитазу. Его вид оставлял желать лучшего: на него будто сделала «свое дело» гигантская улитка. В унитазе что-то забулькало. Я отскочила назад и чуть не поскользнулась на жиже на полу. Меня затрясло от отвращения. Никогда в жизни я не смогу справиться здесь нужду. В унитазе снова что-то запузырилось. Это звучало словно крик о помощи. Я снова с подозрением

заглянула внутрь и увидела что-то извивающееся под всей этой слизи. Это душа! Боже мой, бедная.

– Эй! У тебя все хорошо? – робко спросила я. Душа начала панически мерцать. – Ладно, это глупый вопрос. Мне вытащить тебя оттуда? – Душа зашевелилась активнее. Зеленая слизь надулась в пузырь. Невероятно ужасный запах поднялся вверх и практически выжег слизистую моего носа. Я подавила рвотный позыв и стала отчаянно искать туалетный ершик. Никогда в жизни я не полезу туда рукой. Я нашла прибор под таким толстым слоем склизкой массы, что впервые за долгое время обрадовалась тому, что на мне были перчатки. Хорошо, что я ношу их постоянно. Кончиками пальцев я приподняла ершик, пытаюсь не соприкоснуться с отходами, но сразу же сдалась: эта штука намертво приклеилась к полу. Душа так активно двигалась, что в унитазе все плескалось, как в грязном джакузи.

– Ладно, ладно. Подожди, я тебя вытащу! – сообщила ей я, ковыряясь в грязи. Два яркосиних щупальца вылезли оттуда и отчаянно вцепились в щетку. Я потянула за нее, удивляясь, какой тяжелой оказалась душа. Те, что давно умерли, со временем теряют свою форму. Сначала они похожи на свое физическое «я», но через пару десятилетий больше напоминают яркие шары с маленькими отростками. Эта была как раз такой, со скользкими руками, при этом одна из крупных.

– Вот так! – Ершик чуть не выскользнул из моих рук. Я быстро подала душе свою вторую руку и продолжила ее вытаскивать. Она извивалась, подтягивалась и так внезапно вылетела из чаши, что я ошеломленно отшатнулась назад. Ерш описал в воздухе высокую дугу, а душа приземлилась на меня как большой и дряблый кальмар.

– Ай! – вскрикнула я, пораженная, что меня ударило током. Душа была теплой, почти горячей, а ее тело – прозрачным, как у медузы. Внутри нее как молнии, мерцали яркие огоньки. Я еще никогда не видела подобных. Она была слишком большой и слишком дерзкой, даже зашипела на меня после этой спасательной операции. Она нанесла мне еще один болезненный удар током.

– Ну, погоди, маленькое чудовище! – выругалась я на нее, но она, словно мячик, взлетела в воздух. Я попыталась схватить ее, но меня в очередной раз ударило током, и так сильно, что отбросило на грязную раковину. Та сломалась, и осколки разлетелись во всех направлениях, а я с удивлением уставилась на дыру посередине двери. На пол упало несколько кусков фанеры.

– Дерьмо! – Я открыла дверь и увидела, как душа совершает дезертирство. Слабого зеленого света было достаточно, чтобы рассмотреть, как она протискивается в решетку для сточных вод и с громким хлопаньем исчезает в канале. Я кинулась за ней вслед и вгляделась в ржавую решетку. Вода внизу текла темным потоком. Кисловатый запах Стикса ударил мне в нос. Десятки душ барахтались в нем. Некоторые из них растворились уже настолько, что представляли собой лишь еле заметные полосы. Другие же, напротив, были довольно плотными, так что их лица и конечности можно было различить. Однако недавно спасенной мной души среди них не было, она ушла и оставила меня стоять в слизи. Просто безумие.

Еще какое-то время я вглядывалась в канализацию, прислушивалась к бурлению Стикса подо мной и столам проплывающих мимо душ. Что это было? Влажная прохлада тоннеля медленно проникала в мои ботинки. Я вздрогнула и вытерла руки о стену, пытаюсь не думать о том, насколько сильно я хочу в туалет. Я увернулась от нескольких смелых пикси, пытавшихся взобраться на мои штанины. Я пинала их по маленьким ножкам, пока они не завьили и не бежали. После этого я медленно пошла дальше по тоннелю. В детстве я рисовала здесь мелкими квадратами на полу и играла в рай и ад. Сейчас эти красочные следы стерты влажностью и большим количеством прошедших по ним ног. Да и игры с прыжками уже не так радуют, потому что в таких случаях приходится надевать спортивный бюстгальтер.

Я, вяло прогуливаясь по тоннелю, нырнула под несколько шипящих труб и услышала свою цель раньше, чем увидела ее. Звуки ударов хлыстом смешались с криками мужчины,

которому явно не было весело. Запахи влажной плесени и сгоревшего мяса перебивали друг друга, и я шаг за шагом нащупывала путь по коридору. Темнота медленно рассеялась, открыв вид на массивную двойную железную дверь. Она была открыта, над ней висела мигающая неоновая вывеска с надписью «Добро пожаловать на вечные муки». Из прохода вырывался адский огонь, освещавший ожидающую очередь людей, олимпийцев и аваддонцев, которые выглядели столь же восторженными от пребывания здесь, как и я. Все двигались в разных направлениях. Тоннели, словно рукава одной реки, сходились в одной точке перед Вратами Ада. Многие люди были одни: их глаза округлились от страха, а лица побледнели. Другие шли целыми группами, заточенными в цепи адскими гончими. С каждым шагом визг подвергавшихся пыткам людей становился все громче. Запах мочи, пота, крови и гноя смешался с ароматом райского кокоса. На каждой двери висели искусственно пахнущие елочки, которые должны были улучшить ситуацию в зловонном подземелье. Когда профсоюз потребовал освежители воздуха, мой отец потерял терпение, и их главам пришлось несколько дней висеть на больших пальцах. Зато теперь у них есть ароматные елочки – тоже мило, на мой взгляд. Я незаметно смешалась с толпой несчастных проклятых и посмотрела на наручные часы человека передо мной. Заляпанный кровью «Ролекс», очень дорогие. Но проклятие! Если часы исправны, то сейчас уже половина четвертого. Соответственно, я точно пропустила свой осмотр. Удрученная, я последовала к темным дверям вслед за толпой, а парень с «Ролексом» обмочился, когда лысый тролль прижал к тыльной стороне его руки раскаленный утюг. Его хриплый крик едва не оглушил меня. Ох уж эти начинающие, всегда видно тех, кто оказался внизу впервые.

– Не сдавайся, потом будет проще, – заверила я парня, который без лишних слов закатил глаза и упал в обморок. Ага, значит, он еще и королева драмы.

Тролль зарычал и толкнул потерявшего сознание мужчину в комнату позади себя, обходя несколько стоявших рядом людей.

– Эй, Тедди! Ты как тут, все хорошо? – поприветствовала я двухметрового тролля, кожа которого переливалась зеленым цветом. Его лапы с желтыми ногтями крепче вцепились в утюг, и он хрюкнул в знак согласия. Старина был совсем не в силах поддерживать диалог. Его словарный запас включал в себя только «хрюк» и «хрюк-хрюк», все остальное было выше его сил. Но этого было достаточно для короткого разговора.

– Я слышала, тебя повысили до второго мучителя. Поздравляю! – бодро продолжала я, отодвигая рукав своей черной куртки так, чтобы он мог увидеть тонкую полосу кожи между рукавом и перчаткой. Там был вытатуирован мой номер: 30013 А/А. Каждый ребенок богов после рождения получал такую татуировку. Поясняю: я была божьим ребенком номер 30013 в этом мире. Первая А обозначала имя моей матери, Афродита, а вторая – имя отца, Аид.

Он кивнул и махнул мне рукой. Я осторожно перелезла через сидящих на полу и иногда хнычущих от страха заключенных, словно стадо блеющих овец, толпящихся в вестибюле. Помещение представляло собой ничем не украшенную каменную пещеру с куполообразным потолком. Пол был покрыт хрупкой белой плиткой, залитой рвотой и сажей. Пара мигающих зеленых светодиодов по минимуму освещали комнату. Кое-где виднелось несколько старомодных факелов, распространявших запах горелой смолы. Я сморщила нос. Любопытно, камеры пыток обычно оснащены лучшим освещением. На входе заклеили еще несколько отставших, прежде чем двери со скрипом закрылись. В комнате воцарилась напряженная тишина. Даже самые суровые люди выглядели так, словно от страха их сейчас хватит инфаркт. Вдохнув, я встала в тени каменной стены рядом с хорошо замаскированной дверью, за которой были сложены чистящие средства и швабры. В месте вроде этого такие вещи не должны быть заметны, но санитарные предписания Олимпа и Аваддона очень строги. Санитарно-эпидемиологическая служба регулярно становилась причиной появления новых седых волос у моего отца. Особенно когда начислялись штрафные санкции, в основном из-за пикси.

Я стерла слезы с перчаток, вытащила из кармана брюк мятную жевательную резинку и ждала начала шоу для новоприбывших, которое происходило здесь дважды в день. Светодиоды действительно вскоре погасли, оставляя нас в кромешной тьме. За этим, как обычно, последовал теплый ветер, приносящий с собой запах смерти и разложения. Заключенные начали рыдать. Они с тревогой вслушивались в темноту, а топот больших лап эхом отдавался по комнате.

– Ааа! – Проклятые беспокойно отступали назад, толкая других несчастных на землю. По комнате прокатился оглушительный грохот, прежде чем бестелесный голос прервал панические крики заключенных:

– Добро пожаловать на вечные муки, души! Ни один путь не выведет вас отсюда. Распрощайтесь с любой надеждой, потому что я буду вашим тюремщиком.

Громкий гул наполнил комнату, заставив каменные стены дрожать. Мило. Усмехнувшись, я лопнула пузырь из жвачки и посмотрела на скрытые динамики.

– Вы пожалеете о содеянном! Мы очистим ваши души. Приготовьтесь к тому, чтобы принять свое наказание. Поэтому... выстраивайтесь в очередь и не толкайтесь! Терпеть не могу беспорядок! – рявкнул голос.

В кромешной темноте вдруг вспыхнул яркий свет, и тело гигантского минотавра очутилось перед нами. У зверя были корпус и ноги мускулистого мужчины с кожей песочного цвета. Вместо ступней у него были раздвоенные копыта, из-под которых при каждом шаге сыпались искры, и голова быка с темными рогами, тянувшимися до самого потолка. Из ноздрей, которые он устрашающе раздувал, торчало кольцо размером с кулак. Позади него Тедди и три других тролля вышли из темноты и начали теснить людей, словно испуганных цыплят. С помощью старомодных копий тролли заставляли мучеников проходить к минотавру по имени Сократ, который убрал микрофон ото рта и достал свой iPad. Прищурившись, он начал мрачно зачитывать список недавно зарегистрированных заключенных с их преступлениями. Обычно дилетанты при виде него обделывались от страха, но я знала, что он просто забыл свои очки. Не в первый раз. После того как Сократ одаривал заключенного критикующим взглядом, он направлял его, в зависимости от тяжести совершенного им преступления, в ту или иную камеру пыток. Так как эта процедура могла продолжаться вечно, особенно если этот рогатый вол забыл свои очки, я терпеливо ждала, пока заключенных, наматывающих сопли на кулак, не распределили по комнатам. Они скоро поймут, что большинству из них достались общественные работы. Мой отец считал этот подход очень действенным, ведь это экономило расходы на персонал и куда быстрее наставляло плохие черты характера на правильный путь, чем стягивание скальпа с костей. Как по мне, чистить туалеты в аду куда хуже любой пытки. Вы когда-нибудь видели кучу, которую оставляет после себя минотавр?

Очередной пузырь из жвачки лопнул у моего рта. Через полчаса я сама стояла перед минотавром и с ухмылкой смотрела на него.

– Это что еще было? «Выстраивайтесь в очередь и не толкайтесь, потому что я терпеть не могу беспорядок»? Очень устрашающе. Может, еще пушистыми кроликами проклятых забро-саешь? – поддразнила я тюремщика.

Он выдохнул, опустил iPad и уставился на меня веселыми сверкающими глазами.

– Во имя Аваддона, Ворриор! Весь этот плач ужасно действует мне на нервы. Они ведь здесь не без причины. И эта проклятая техника в конце концов сведет меня с ума! Почему мне постоянно приходится его обновлять?

Он снова поднял iPad и провел по экрану толстыми пальцами.

– Знаешь, девочка, было гораздо проще, когда нам не нужно было вести все в цифровом формате для бухгалтерии. А если Аид еще хоть раз пришлет мне видео щенят, которые падают головами в миску, я уволюсь!

– Мой папочка присылает тебе видео с собачками? – захихикала я, пока минотавр смотрел на iPad так, будто был готов его съесть.

– Непрерывно! – огрызнулся он. – И что значит этот ваш ЛОЛ? Люминесцентная обволаживательная лопата? Я просто не понимаю, что он от меня хочет. Ну, да будет так. А что ты делаешь тут внизу? – Минотавр поднял свою гигантскую бровь и включил свет в комнате.

Ослепленная, я заморгала. Мои очки немного сползли и заставили мир сиять слишком яркими красками.

– Ты что, с ума сошел? Не смотри на меня! – испуганно выпалила я, натягивая капюшон на лицо, пока свет не перестал на него падать. Я быстро поправила очки.

– Извини, принцесса! И все же почему ты тут, внизу? Разве ты не должна быть в Олимпе? – пробормотал он, скорчив строгую мину и скрестив руки на волосатой груди.

– Ну, что до этого... – Слегка смутившись, я сунула руки в карманы и подняла плечи. – Судя по всему, я обидела фурию... и забыла пропуск. Ну, ты знаешь, все как обычно.

Ноздри минотавра снова раздулись, и, чтобы он не решил читать мне нотации, я быстро сменила тему:

– Да все равно. Не будем о моей социальной недееспособности. Почему здесь все работает только на аварийном питании? Снаружи свет тоже не включается. Это что, снова ущерб, нанесенный пикси? В тоннеле их целая куча, а один из туалетов выглядит так, будто гигантский слизень устроил там вечеринку. Кроме того, там теперь огромная дыра в двери.

Минотавр заворчал, сбитый с толку быстрой сменой темы.

– Дыра в двери?

– Да, притом достаточно большая, – подтвердила я.

– И как это произошло?

– Да одна душа взбесилась.

– Ага... И как это понимать?

– Не обязательно это понимать. Но если увидишь гигантскую душу в плохом расположении духа, не пытайся вытащить ее из унитаза с помощью туалетного ершика.

– Все ясно.

Мы с ним пошли по правому коридору мимо вестибюля. Слабый свет неоновых ламп упрямо рассеивал темноту сантиметр за сантиметром, освещая нескольких проносящихся мимо пикси. Ой, папе это точно не понравится. Недавний ущерб, нанесенный мелкими грызунами, был оценен в несколько миллионов.

– Почему здесь так темно? – продолжила я.

Сократ хмыкнул. Он мог вести целые беседы с помощью этого звука, надо было различать хмыканья по категориям «я раздражен», «я голоден» и «ты мне нравишься». Сейчас это было что-то вроде «мне не по себе».

– Так было приказано! Твой пап... эмм... в смысле, мой босс вчера отключил электричество в некоторых местах Подземного мира. Нам пришлось снова вернуться к факелам и аварийному электропитанию, как сто лет назад. Я уже и забыл, как они воняют.

– А почему он отдал такой приказ? – удивленно спросила я.

Аду тяжело давался переход к достижениям двадцать первого века. И тем не менее существенные преимущества электричества смогли убедить даже моего четырехтысячелетнего отца.

– Произошло несколько неприятных вещей. Я не очень много об этом знаю, но босса это очень разозлило. Даже я испугался его вида. – Его взгляд помрачнел, и он покачал головой, словно пытаясь избавиться от нескольких неприятных воспоминаний. – Я, кстати, подумываю о том, чтобы изменить свою приветственную речь. Я уже чертовы триста лет говорю одно и то же! Уже и сам это слышать не могу.

– Речь и вправду немного избита, – согласилась я, потирая затылок. С тех пор как эта душа ударила меня током, мой череп гудел.

Бык радостно мне улыбнулся и почесал свою волосатую грудь.

– Я тоже так подумал! Если у тебя есть пара советов, я с радостью их выслушаю. Но сразу предупреждаю: я не буду использовать слова вроде «крутой» или «чилловый», чтобы ты знала, – проворчал Сократ, и я тихо захихикала.

– Я подумаю. Особенно место с «распрощайтесь...» показалось мне немного... старомодным. Не очень впечатляет. Тебе нужно чаще импровизировать. Новая фраза раз в несколько десятилетий – и дело сдвинется с мертвой точки.

Сократ покраснел, и это было заметно лишь по небольшому, не покрытому шерстью участку шеи около лица.

– Ой, ну ладно, хватит. Почему ты снова забыла свое разрешение? Я думал, ты пообещала матери, что не будешь доставлять ей проблем хотя бы пару недель. Кроме того, тебе давно пора на медосмотр.

– Ты думаешь, я этого не знаю? – мрачно спросила я, пиная дверь, скрытую в стене. Мы находились в самом маленьком из шести подвалов на 243-м этаже ада. Комната, в которую мы зашли, была узкой и раньше служила пыточной камерой. Ржавые наручники еще свисали с потолка. Старые потертые столы, на которых виднелись темные пятна, доминировали в пустынной комнате, а в правом углу собирала пыль железная дева.

– Я правда не хочу доставлять проблем матери, но, кажется, это невозможно. Скажи мне, тут тоже нет электричества? – Обескураженная, я подошла к задней стене пыточной, где стоял накрытый простынями красный диван. Над железной девой висел черный плазменный телевизор с динамиками, которые могли заставить комнату содрагаться. Одна из старых скамей для пыток служила тумбочкой. Комната уже веками не использовалась по прямому назначению, и так как ее стены – слава богу! – обладали хорошей звукоизоляцией, нам не приходилось слышать крики тех, кого действительно пытали в соседней комнате. Я провела большую часть детства именно здесь, вместе со своими братьями и Сократом, который был моей няней. Вначале в комнате лежали строительные блоки, игрушечные машинки и безголовые куклы Барби. Позже эти вещи заменили электронными приборами, плакатами One Direction и «зайками» из Playboy. Последние были прикреплены на стену моим братом с помощью магии, так что Мисс май 2006 все еще висела на стене. Когда мы стали старше, Сократ должен был учить нас уважать богов, но так как у него не хватало на это ни терпения, ни желания, а у нас находились занятия поинтереснее, мы обычно смотрели фильмы или жевали пиццу, пока отец не освобождал меня из подполья. Какое-то время я злилась на него и на мать, когда они оставляли меня в камерах пыток. А потом я поняла, что обижаться на них нет смысла. Их божественные задницы это просто не волновало. От богов, которым почти по четыре тысячи лет, едва ли можно было ожидать нормального человеческого отношения. Власть и возраст сделали их чудаковатыми.

– Как у тебя дела с матерью? – спросил Сократ, словно читая мои мысли.

Я издала бессмысленное ворчание.

Он поднял густую бровь:

– Так плохо?

– Ни то слово.

– Я ошибаюсь или вы все хуже ладите друг с другом?

Я пожалала плечами:

– Что сказать? Я – большое разочарование в ее идеальной жизни. Дочь, которая не унаследовала от своей матери умение сексуально качать бедрами, рисовать безупречную линию подводки и охотиться на мужчин. Она так часто задирает нос, что у нее уже должен был вырасти еще второй.

Бык одарил меня сочувствующим взглядом. Я сглотнула и ухмыльнулась.

– Я уверен, Афродита любит тебя, Ворриор. Она не может иначе. Она ведь любовь собственной персоной.

Я недоверчиво рассмеялась. От резкости в моем голосе мне самой стало не по себе.

– Моя мать не любит меня. Я – настоящий фрик, в котором силы любви объединились с великими смертельными силами Аида, поэтому каждый, кто смотрит мне в лицо, сходит с ума. Разве может быть лучше? Но нет, подожди! Меня чуть не изнасиловали в метро, потому что несколько ребят сочли, что от меня замечательно пахнет розами.

Я поморщила нос и обрадовалась, что солнцезащитные очки скрывают мои слезы. Я быстро заморгала, пытаясь не всхлипнуть. Как бы я ни старалась оставить тему матери позади, мне всегда было больно осознавать, что она отвергает меня. Мне было тошно от осознания того, что она куда охотнее отправила меня в Аваддон к братьям, вместо того чтобы взять с собой в Олимп, как моих сестер. Она меня стыдилась. Моего лица, которое мне приходилось прятать всякий раз, пока врачи Олимпа объясняли ей, что мой синдром Медузы только усугубляется с возрастом. Отвращение, которое она не могла скрыть, было для меня словно удар в живот. Мои сестры Даймонд, Руби и Опал при этом оправдывали ее ожидания.

– Хочешь колу? – Голос Сократа прервал мои мысли. Я с улыбкой взяла пыльную бутылку из его лап.

– Спасибо, Сок! Так... А мы сможем посмотреть телевизор? Учтивя, что электричество отключено и прочее...

Бык фыркнул и со вздохом опустился на диван рядом со мной.

– Нет. Но Хбох, к счастью, подключен к аварийному питанию. Запустить его не будет проблемой, если ты не проболтаешься об этом моему боссу.

– Мой рот на замке! – торжественно поклялась я, проводя пальцами по губам так, будто застегиваю молнию. Минотавр усмехнулся и открыл свою бутылку колы.

– Вот! – он небрежно бросил мне один из джойстиков, который я неуклюже поймала. Я не обладала талантом, когда дело доходило до координации глаз-рук-ног. Я не была совсем неповоротливой, но, боги, в спорте я всегда терпела крах. Каждый раз! Моя выносливость была на нуле, и все благодаря моей затворнической жизни. Только в стратегиях я не так сильно позорилась. Я любила игры про войну. Те, где надо рационально думать и выстраивать холодный расчет, предвидеть ловушки и тактику соперника. Перед вами открывается огромная гора возможностей уничтожить противника. Это, видимо, была одна из темных черт, которые я унаследовала от отца. Явно не этот ген «каждый-кто-меня-видит-сходит-с-ума».

– Во что сегодня поиграем? – спросил Сократ, смотря на коллекцию игр, которые мы с трудом проносили в подземелье последние годы.

– Ммм, Assassin's Creed? – предложила я, и минотавр довольно хмыкнул. Я с улыбкой откинулась назад и встряхнула свою колу. Пластик в моей руке затвердел, и я медленно открыла крышку. Раздалось тихое шипение – углекислый газ начал выходить наружу. Сократ с отвращением скривил лицо, когда я снова закрыла бутылку и опять встряхнула ее.

– Как можно пить колу без газа? – спросил он, фыркая.

Я сделала глубокий глоток и вздохнула, пожимая плечами.

– Мне просто не нравятся пузыри. Они портят вкус.

– Ты маленький выродок! – ласково зарычал бык.

Я улыбнулась. Мои братья и сестры тоже так меня называли, но в их исполнении это слово звучало совсем не по-доброму.

– Ты все-таки должен рассказать мне, почему Аид отключил электричество во всем аду! – вспомнила я предыдущую тему, когда игра началась и мне нужно было выбрать статус игрока.

Герой – одетый в белое мужчина с капюшоном на голове и тяжелым оружием на плечах и талии – появился на экране. Его внешний вид напоминал мне мой собственный. С тех пор как у меня начался пубертатный период, я носила исключительно потертые толстовки с капю-

шоном, черные джинсы и доходящие до локтей кожаные перчатки. Предметы одежды, которые закрывали тело и делали его бесформенным. Кроме того, мои глаза были прикрыты солнцезащитными очками, а на ногах были ботинки, доходящие до икр. В свои лучшие дни я была похожа на ниндзя из игры Dungeons and Dragons. Будучи дочерью Афродиты, я стала, конечно, просто позором для такой матери. К сожалению, это были необходимые меры. Никому нельзя было меня видеть, даже маленький кусочек кожи. А после фиаско в метро мне приходилось перебивать свой запах вонючими духами.

Сократ беспокойно фыркнул и заставил героя на мониторе бежать.

– Это не для твоих ушей, Ворриор. Кроме того, я и сам этого точно не знаю. Но дело в любом случае пахнет жареным. Я чувствую богов, когда они рядом, и таким злым я босса еще никогда не видел. Вчера был какой-то ужас. Говорят, что несколько заключенных сбежали. Босс вышел из себя и отключил электричество.

Я в замешательстве нахмурилась. То, что заключенные сбежали из ада, не было новостью. Иногда Подземный мир был кромешным кровавым адом, наполненным сверхъестественными существами, у которых были дела поважнее, чем слушать лекции о вреде агрессии. Или чем мыть туалеты ради блага общества. Мой отец смирился с этим, потому что в конечном итоге они все равно возвращались в Аваддон и к уборке туалетов.

– И что, заключенных нашли?

Сократ покачал головой и зарезал нескольких солдат поворотом большого пальца по джойстику.

– Умри! Что? А... нет, не нашли. Мы официально наготове. Все выходы закрыли.

– Что? – Я испуганно подняла голову и только сейчас поняла, что на моего героя напала толпа солдат. – И как тогда я отсюда выберусь? – Мне не особенно хотелось сидеть в аду больше положенного. Кроме того, Афродита устроит мне разнос, когда узнает, что я пропустила очередную осмотру врача.

– Эх... Не повезло, малыш. Никаких выходов, пока босс не даст добро. Кроме того, ты должна быть в Олимпе, а не здесь.

– Это не моя вина! Глэдис меня терпеть не может. Очевидно, это чудовище знало, что я застряну здесь, если она меня арестует.

Бык рассмеялся и хлопнул меня по спине, отчего мою грудь на момент сдавило.

– Ты с ума сошел? – ахнула я. – Ты что, хочешь сломать мне спину?

Минотавр снова рассмеялся и потрепал меня по голове:

– Извини, Ворриор, иногда я забываю, какая ты маленькая. Дочери Афродиты не очень-то сильные. Вы слишком хрупкие.

– Ну, спасибо большое, – пробормотала я. К сожалению, он был прав. Мои сестры визжали при виде паука или пореза на пальце... или при виде мускулистых мужчин. На самом деле во всех ситуациях, когда только можно было визжать. Интересно, что Афродита была полной противоположностью своих дочерей. Когда на нее смотришь, сразу понятно, что она убила гораздо больше людей, чем все остальные боги вместе взятые. Любовь опасна. У нее множество лиц, и лишь немногие из них выглядят романтично.



Глава 2

Один писк – и я перережу тебе горло

– Так, уже поздно. Мне еще надо работать! – пробормотал Сократ через несколько часов убийства солдат и разграбления публичных домов. Мои глаза горели, а пальцы отказывались работать уже давно.

Я кивнула в знак согласия и выключила Xbox.

– Почему именно ты работаешь тюремщиком? – неодобрительно спросила я у Сократа. Он с грохотом поднялся и, зевая, заревел. Боже! Понимаю, почему большинство людей так его боятся. Эти бивни могли бы без труда пронзить мою шею.

– Уж лучше пытаться людей, чем стать налоговым консультантом, как мой отец, – сухо ответил он. – Пойдем! Если ты не можешь вернуться в Лондон, придется тебе провести ночь здесь. Нужно найти такси и отправить тебя к твоему отцу, а то пешком идти слишком долго.

Я кивнула, в последний раз окинув взглядом тайную игровую комнату, и почувствовала укол тоски в своей груди. Каким бы ужасным ни был Подземный мир, меня с этим местом связывали теплые воспоминания. Небольшое укрытие среди хаоса, из которого состояла моя жизнь. Мне почему-то казалось, что я еще не скоро увижу эту комнату.

– Ворриор, все в порядке? – Голос Сократа заставил меня поднять глаза. Его родное волосатое лицо пробудило во мне желание протянуть к нему руки и обнять его.

– Я люблю тебя, Сок, – пробормотала я. Запах сажи, пота и крови защекотал мой нос.

Великан удивленно хмыкнул. Черты его лица приняли ласковое выражение, он грубо притянул меня к своей груди и погладил по капюшону.

– Я тебя тоже, мой маленький выродок, но заканчивай с этой ерундой.

Я, кивнув, в последний раз прижалась к нему и стыдливо отпустила взгляд. Ужас! Неловко было нам обоим: шея Сократа опять покраснела. Он казался невероятно смущенным.

– Так, давай пойдем! – Я в последний раз шмыгнула носом и открыла дверь с громким стуком. В приятной тишине мы с Сократом шли бок о бок по кафельному полу. Все казалось спокойным и мирным. Только иногда до нас доносились стоны заключенных, которые пытались вычистить плесень из углов. Где-то над нами шумел смыв унитаза, за которым следовали стоны измученных душ, смытых в водосточную трубу. Через какое-то время мы резко свернули налево и неожиданно оказались перед рядом металлических лифтов. Кнопки вызова светились ядовито-зеленым в свете светодиодных ламп. Сократ нажал своим толстым волосатым пальцем на одну из них. Немного застенчиво мы уставились на мигающий свет, а правый лифт запищал и начал двигаться. Когда стальные двери наконец открылись, я в последний раз улыбнулась Сократу, хотя он не мог видеть этого из-за капюшона, и похлопала его по гигантскому бицепсу:

– Спасибо, Сок! До скорого!

– Береги себя, малыш, – тихо пробормотал он.

Двери со скрипом закрылись, и я уставилась на сотню кнопок рядом со мной. Этот лифт останавливался на этажах с первого по тридцать третий, а также со 140-го по 260-й. Сейчас я находилась в подвале, также называемом Даунтауном, этаж 266-й. Чтобы поймать такси, мне нужно было добраться до Аптауна, то есть как минимум на 145-й этаж. Я вздохнула, нажала на соответствующую кнопку и принялась слушать отвратительную лифтовую музыку – «Highway to hell». Но ничего не произошло. Я снова нажала на кнопку. Потом в третий раз. Я ждала и ждала. «Highway to hell» пронзительно звенела в моих ушах. Я раздраженно уставилась на кнопку и нажала на нее в четвертый раз. Все бесполезно.

Проклятие!

Я била по ней так сильно, как только смогла, пока она не загорелась красным.

– Что? – крикнула я, с удивлением уставившись на эту упрямую штуку. Вдруг на потолке открылся люк, и мой взгляд устремился вверх. Голова старой женщины с длинными, торчащими из носа волосами и воспаленными глазами смотрела на меня сверху вниз. Она скривила свои бледные губы так, что показались ее острые как бритва зубы. У нее были серая кожа и белые волосы. От ужаса я чуть было не подавилась собственной слюной.

– Сколько раз ни нажимай на кнопку, наверх ты не доберешься, – прохрипела голова, плюясь во все стороны.

Я в изумлении открыла рот.

– Что? Почему? – спросила я, кашляя.

Боже! Я, конечно, знала, что лифты контролируются магией ведьм, но не думала, что они сидят прямо в них. Я также не догадывалась, как жутко они воняют. Ведьма сердито фыркнула и закатила свои белые глаза:

– Ты что, не слышала объявление, девочка? Этажи со 145-го по 266-й закрыты.

Я в отчаянии прикрыла лицо ладонью и сделала глубокий вдох. Когда уже закончатся мои неудачи?

– Значит, мне придется идти три этажа пешком? – Мой голос звучал опустошенно.

Ведьма захихикала и пожалала костлявыми плечами. Казалось странным, что ее морщинистая голова пролезла в эту дырку.

– Приказ босса. Итак... Все еще хочешь подняться туда?

– Да, конечно! – прошипела я, и старуха довольно кивнула. Люк снова закрылся. При этом песню «Highway to hell» немного зажевало, прежде чем лифт продолжил движение. Мысль о том, что скоро мне придется самостоятельно пройти три этажа, заставляла меня чувствовать себя некомфортно. Этаж 144-й был очень опасным. Наверху присутствовали частично цивилизованные этажи, но 144-й был местом, где лучше никогда не появляться без телохранителей или перцового баллончика. Или даже полностью заряженного автомата Калашникова! Теоретически мне было запрещено посещать эти этажи. Я беспокойно кусала губу и думала над тем, чтобы вернуться и переночевать у Сократа. К сожалению, я не знала, где сейчас находится минотавр. Подземелье было огромным, а камеры пыток простирались на несколько километров по Даунтауну. Они были словно лабиринт. Я буду бродить по подземелью несколько дней, прежде чем найду его. Нет! Кроме того, я не была трусихой. Я максимально незаметно пройду по уровням и, надеюсь, поймаю такси на 145-м этаже. Там все уже не так плохо.

Поездка длилась больше десяти минут. Лифт проезжал мимо самых разных участков, иногда сквозь его двери доносились громкие крики или сумасшедший смех. Иной раз кабина тряслась словно от маленького взрыва, и мне приходилось цепляться за стену, чтобы не упасть. Я уставилась на грязный пол и заметила, что наступила в соплю тролля. Отлично. Зеленая субстанция прилипла ко мне, как жвачка, и была очень едкой.

– Фу! – Я сразу же начала вытирать ногу о стену. Слизь оставляла на металле тонкие полосы и дымилась.

– Немедленно прекрати, а то я тебя отсюда выгоню! – раздался хриплый голос ведьмы из динамика.

Я испуганно вернула ногу на пол и виновато посмотрела вверх:

– Ох, извините. Больше не повторится!

– Надеюсь, ведь мне потом убраться этот бардак.

О боги, как стыдно. Смущенная, я стояла в лифте, пытаюсь игнорировать тот факт, что слизь прожгла маленькую дыру в моей подошве. На 120-м этаже лифт внезапно остановился. От ужаса я прикусила нижнюю губу и почувствовала теплую кровь на языке. Я слизнула ее и нахмурилась. Должна ли кровь быть такой сладкой на вкус? Странно. Может быть, дело в коле,

которую я недавно пила? Прежде чем я продолжила удивляться сама себе, двери открылись. Ледяной поток воздуха взъерошил мои волосы, выглядывающие из-под капюшона. В узкий лифт зашли три человека. Я замерла и подозрительно посмотрела на обитателей ада.

Первым зашел высокий бледный мужчина, темное кожаное пальто которого обтягивало его стройную фигуру. С почти кошачьей грацией он встал около меня и ухмыльнулся, обнажив ряд острых зубов. Его белая рубашка с милыми рюшами, торчащими из рукавов, и пятнами крови на воротнике мягко зашуршала. Вслед за ним в лифт вошла женщина с огненно-рыжими волосами и в таком же костюме. Ее губы были бледными, и только уголки рта – красными. Когда она заметила меня, ее глаза загорелись голодным блеском и на лице появилась торжествующая улыбка. Слава богам, она все же держалась на расстоянии.

Последним из этой тройки был юноша около двадцати лет. Скорее всего, он был немного старше меня, но из-за морщин вокруг рта он выглядел истощенным и измученным. Его лицо было нездорового серого цвета, а светлые волосы, стоящие ворохом, слиплись от крови и грязи. Его взгляд был покорно опущен, а на шее был шипованный собачий ошейник.

Мой взгляд снова устремился на мужчину-аваддонца, чьи длинные худые пальцы нажали на кнопку номер 144. Значит, последние несколько минут мы будем ехать вместе. Я нервно переминалась с ноги на ногу в своем углу и спрятала руки в карманах. Двое моих попутчиков рассматривали меня. Женщина что-то прошептала мужчине на ухо и тут же начала хихикать, а ее спутник смотрел на меня своими сияющими красными глазами. Несложно догадаться, что они оба оказались вампирами. Правда, судя по внешнему виду, они не были особенно старыми. Я недовольно закатила глаза. Молодые хуже всех. Существовали разные кланы, которые устраивали свои зловещие игры на нижних этажах. У этих существ ужасно раздражающая мания величия. Они думают, что они сильнее, быстрее, умнее и соблазнительнее, чем они есть на самом деле. При этом они берут себе странные имена вроде Владимира, будучи на самом деле Франц-Дитером. Они хищники, и они голодны. Всегда. Большинство вампиров умирает в первые недели существования: среди них наблюдается печальная тенденция высасывать друг друга, когда голод берет свое.

Юноша рядом с ними, должно быть, был их домашним любимцем, карманной собачкой. Редко можно было встретить вампира без одного или даже нескольких питомцев. Обычно это люди с определенными группами крови или с исключительно привлекательной внешностью. Видимо, они были самыми вкусными. Но этот парень выглядел опустошенным практически полностью. Мне было почти его жаль. Но только почти. Никогда не знаешь наверняка: большинство людей были достаточно сумасшедшими, чтобы добровольно предложить себя в качестве закуски. Шумиха вокруг фильма «Сумерки» предоставила вампирам неожиданно большой запас крови и подпитала их и без того огромное эго.

Я нервно покосилась на них и заметила, что они все еще пялятся на меня. К счастью, они не могли разглядеть моего лица в тени капюшона. Я мысленно считала секунды до момента, пока мы наконец доберемся до 144-го этажа. Воздух был очень плотным и пах солоноватой кровью. Я беспокойно переступала с ноги на ногу, мой пульс резко участился. Вампиры хищно улыбнулись, и мужчина заговорщически наклонился ко мне. Его дыхание неприятно пахло.

– Что такая милая девушка делает на нижних этажах в комендантский час? – У него был мягкий бархатный голос. Он звучал соблазнительно и маняще. Я тут же почувствовала желание откинуть голову и предложить ему свою сонную артерию. С трудом подавив этот желание, я с подчеркнутым безразличием пожала плечами. Мне не очень-то хотелось с ними разговаривать, да и кровь свою я тоже терять не собиралась.

– А откуда вам знать, что я девушка? – небрежно спросила я, оставляя его вопрос без ответа. Под своей бесформенной одеждой я вполне могла сойти за неуклюжего парня. Правда, с каждым годом мне было все сложнее скрывать свои формы.

Вампир хрипло хохотнул. Он с наслаждением втянул спертый воздух в свои легкие.

– Я буквально чувствую этот запах. Воздух наполнен ароматом свежих роз и сладкого меда. Я еще никогда не ощущал ничего подобного. Ты просто десерт на ножках.

Проклятие. Я стиснула зубы. В будущем буду использовать больше парфюма. Химический аромат обычно эффективно скрывал запах моего тела, но сегодня, видимо, не справился со своей задачей.

– Как тебя зовут, девочка? – спросила вампирша сиплым голосом. Как будто я ей отвечу! Они оба тем временем оказались в опасной близости от меня. Их питомец уставился в пустоту. Бедняга выглядел так, будто готов был в любое мгновение упасть в обморок. Хвала небесам, мне не пришлось отвечать, потому что лифт остановился. Двери открылись. Я протиснулась между кровопийцами и поспешила по улице так быстро, как только могла. Я завернула за угол и постаралась как можно больше увеличить расстояние между нами. Эти идиоты-вампиры были чертовски хорошими следопытами. Мне оставалось лишь надеяться, что они были достаточно сытыми и не слишком сильно заинтересовались мной. Тем временем я начала чувствовать сладкий запах роз. Я продолжила принохиваться, и... черт возьми! Он действительно исходил от меня. К сожалению, я могла привлечь этим еще более опасных существ, чем парочка безумных вампиров. Так, стоп!

Где это я? Пыхтя, я остановилась на мгновение и осмотрелась вокруг. Я впервые была на 144-м этаже, поэтому у меня было лишь смутное представление, куда я должна идти. Насколько я могла судить, я оказалась в одном из заброшенных районов. Меня окружали приземистые дома, больше похожие на деревянные избушки, чем на уютное место для проживания. Окна были заколочены досками и черными мешками для мусора, а стены измазаны ядовито-зелеными граффити. Или это была плесень? Мокрая глина под моими ногами, ужасно пахнущая клоакой и рвотой, громко чавкнула. Тонкая струйка застоявшейся воды текла мимо меня и исчезала в ржавом овраге, вокруг которого сгрудились несколько крыс размером с кошку. Их желтые глаза с любопытством смотрели в мою сторону, а их длинные голые хвосты дрожали. Слабый свет едва пробивался сквозь темные переулки. Воздух был плотным и маслянистым, запах гнили и кислоты подталкивал на мысль о поисках потенциального трупа. Одно было ясно: нужно было как можно скорее добраться до следующего этажа. Пока, к счастью, было тихо. Даже слишком тихо, чтобы я смогла успокоить свои напряженные нервы. Мне действительно стоило поторопиться, а не стоять словно вкусная, пахнущая розой отбивная посреди улицы.

Я измученно скривила лицо и осмотрела переулки в последний раз. Мой запах действительно приносил мне много проблем. Он был слишком притягательным, необычным и привлекал внимание там, где я куда охотнее стала бы невидимой. Например, здесь. Мой взгляд остановился на куче вонючей земли. Мне в голову пришла гениальная мысль, от которой мой живот тут же скрутило.

– Ради Зевса, пусть все это поскорее закончится, – прошептала я, поднимая горсть жирной земли с пола.

Фууу! Если поднести ее к носу, запах казался еще ужаснее. Задыхаясь, я размазала грязь по лицу, моля бога о том, чтобы не упасть замертво на этом самом месте. Я изо всех сил пыталась отдышаться и смахнула с лица несколько ползающих мокриц, которые щипали меня за щеки.

– Буэ! – вырвалось у меня.

Мой желудок резко сжался. Я быстро взяла еще одну горсть грязи и обмазала этим месивом еще и свою толстовку, прежде чем я смогла бы передумать. Главное, не смотреть на нее, что угодно, только не смотреть. Но я все же взглянула, и это точно не выглядело как шоколадное парфе! Я выругалась, стараясь подавить тошноту, и вытерла руки, радуясь тому, что я ношу перчатки. Так! И как же мне быстрее выбраться отсюда? Так как лифт не шел вверх, а в поле моего зрения такси не было, мне придется воспользоваться древними лестницами,

которые также соединяли этажи друг с другом и были расположены по всему Даунтауну. Мне только нужно было найти верную лестницу.

Бросив взгляд через плечо, я продолжила движение и опустила голову. Мои шаги эхом отражались от заброшенных барачков, пока моя тень бесшумно летела по грязному полу. Никто не встречался мне на пути, но меня не покидало чувство, что десятки пар глаз наблюдают за мной. Я нервно спряталась в тени и ускорила шаг, а затем повернула за угол и остановилась перед уличным фонарем, окрашенным в зеленый цвет. Яркий свет растянулся по ухабистой брусчатке. Мне показалось, что я слышу голоса. Я с подозрением продолжила путь и оказалась в длинном переулке, в котором теснились уродливые дома. Аваддонцы постепенно заполняли улицы. Сначала понемногу: скрюченные тени, как и я, сновали по брусчатке с опущенными головами. Из мрака одного из домов на меня уставились кошачьи глаза ночного кошмара. Мы с недоверием посмотрели друг на друга. В его глазах вспыхнул голодный блеск. Я тут же ускорила шаг и бросилась в толпу самых разнообразных существ и людей. Тем временем окна домов залились грязным светом, вонь сменилась запахом пива, еды и греха... если у него, конечно, был какой-либо запах. Я увидела горгулий, которые сидели на крышах словно серые голуби. Вампиры суетились в тускло освещенных пивных, рассматривая своих доноров-людей, чьи шеи были покрыты красными следами от укусов. Темнокожие мужчины, чьи силуэты я могла видеть только краем глаза, толпились вокруг складных деревянных палаток. В них продавалось почти все, начиная с отрубленных рук убийц и заканчивая слезами бенгальских девственниц. Если где-то и можно было найти нелегальные товары, то точно в этом месте. Я посмотрела на нескольких фурий с острыми носами и птичьими глазами, а также на гидру, которая ссорилась с горным троллем из-за трехголового цыпленка. Повсюду я видела мутантов, чьи белые мясистые тела были ужасающе похожи на личинок. Хотя они и могли невероятно быстро нестись по брусчатке на своих трех ногах, у многих из них отсутствовали лица или руки были там, где от природы их быть не должно. Все отбросы Подземного мира собрались здесь, чтобы напиться и поторговаться.

Вздвигнув, я опустила капюшон ниже на лицо и прижалась к стене дома. Я скользила по улицам настолько незаметно, насколько это было возможно, и не спускала глаз с каждого существа, которое подбиралось ко мне слишком близко. К счастью, кажется, никто не обращал на меня внимания. Ужасное напряжение в моих плечах потихоньку спало. Я пробежала мимо паба, на двери которого висела поющая сморщенная голова.

– Эй, малыш, куда бежишь? – крикнула она мне в лицо.

Голова была привязана к гнилой балке. Ее глаза выглядели как липкие изюмины во впалых серых глазницах, а улыбка была слегка сумасшедшей. Я неуверенно остановилась на месте. Честно говоря, я понятия не имела, где я нахожусь и как мне найти лестницу, ведущую на верхние этажи.

– Как называется эта улица? – спросила я, нервно облизнув губы.

– Ты на улице 1303, малыш. Потерялась, что ли? – Ее сумасшедший хохот заставил проходящих мимо аваддонцев любопытно оглянуться.

– Шшш! Не так громко! Я просто хочу наверх, – нервно прошипела я, осматриваясь.

Колдун с черными волосами слишком заинтересованно на меня глядел.

– Только наверх? Наверное, не получится, малыш. Босс все закрыл. Теперь нет ни лифта, ни лестниц, ни машин.

Я нервно поджала губы.

– Это точно? Совсем ничего? Несколько такси уж точно должно быть!

– Ты глухая? Ни лифта, ни лестниц, ни машин. Здесь тебе не Аптаун, тут бегают адские гончие.

– Но мне обязательно нужно наверх! – Ко мне подкралась паника, а голова хрипло надомной смеялась, разбрызгивая слюни во все стороны.

– Если это правда так важно, можешь позвонить кому-нибудь. Может быть, кто-нибудь сможет забрать тебя.

– А здесь есть телефон?

– Прямо за мной, малыш.

Я недоверчиво изучила табличку на пабе. Он назывался «У кровавого Хельсинга» – вампирский бар.

– Черт возьми! – Я со стоном прикрыла лицо ладонью и сделала глубокий вдох. – Есть ли тут еще один бар с телефоном?

– Лично я не знаю, но можешь попытаться у оборотней.

– Боги, только не это! – с ужасом сказала я.

Сморщенная голова засмеялась. Швы на губах колдуна едва ли не расходились.

– Да-а, с запахом не всем везет, не так ли? Просто заходи в помещение и следи за своей шеей. И все будет в порядке. – Голова со свистом повернулась вокруг своей оси.

Дверь со скрипом открылась, и оттуда повеяло ароматом пива и соленой крови. Я заставила себя двинуться вперед, но, едва переступив порог, захотела вернуться обратно. В то же мгновение дверь захлопнулась за моей спиной, оставляя меня в прокуренной комнате, заполненной вампирами и их питомцами. К счастью, было так громко и людно, что никто не заметил моего появления. Красные лампы бросали жуткий свет на столы, вокруг которых собрались десятки кровопийц.

Я впервые в жизни оказалась в таком баре, и от братьев я услышала достаточно историй о таких местах, чтобы быть готовой обмочиться от страха. Сейчас я осознала, что они точно мне не врал. За первым же столом рядом со мной шесть вампиров играли в покер, и их карты были измазаны кровью. В качестве ставок использовались отрезанные пальцы, большинство из которых были сложены рядом с парнем с налитыми кровью глазами и позолоченными клыками. Старина, кажется, сделал себе замечательные протезы. Нечисть не особенно хорошо соблюдала гигиену зубов, а такие золотые импланты были невероятно дорогими. Я как можно более незаметно протиснулась мимо них и начала искать взглядом телефонную будку. Я действительно обнаружила одну: к сожалению, она располагалась в другом конце комнаты. Замечательно. От звонка наверх меня отделяла всего сотня пьяных кровососов. Один из них уже слегка перепил, потому что упал со своего стула прямо передо мной, и содержимое его желудка образовало алую лужу на моих ботинках.

– Фу. – Я энергично затрясла ногой и наткнулась на официантку, которая окинула меня сердитым взглядом. – Извините! – Спотыкаясь, я зацепилась за стойку, но обошла еще нескольких пьяниц. При этом я случайно налетела на стол, на котором лежали две полуголые человеческие женщины. Их тела были довольно искусно обкусаны. Две вампирши склонились над их животами и пили кровь из их пупков. Посетители бара ревели, когда они облизывали губы и заедали это лимоном. Боже мой! Эту картину я еще нес скоро забуду. Чтобы не оказаться на месте лимона, я ускорила шаг и покинула переполненную комнату в поиске другого телефона. Меня ждал душный коридор с общим туалетом. Я слышала, как кого-то тошнит. Рядом с туалетом располагался старый таксофон. Они еще существовали? Нахмурившись, я выловила из кармана брюк пару центов и бросила их в агрегат. Я набрала номер телефона Аида – 666, хахаха, – и от напряжения затаила дыхание. Послышался треск, а затем гудок. Потом еще один и еще один, после этого снова раздался треск, пока звучный голос бога смерти не зазвучал в трубке:

– Это телефон Аида-Плутона-Адамаса-Амелиха-Ифтима-Пелора-Кратера-Стигера-Апротропа-Аидела-Мела-Кианохайта-Хенниха-Фона. Бога смерти и повелителя Подземного мира. Властителя Подземного царства и богатств.

Я услышала свой собственный голос на заднем плане:

– Папа! Нет необходимости называть все свои имена. Просто Аида достаточно.

– Но меня так зовут!

– Аида достаточно!

– Что вы там делаете? – Я услышала голос своего брата Мэдокса.

– Твоя сестра считает, что я должен сказать фразу в трубку, чтобы люди знали, что я не могу встретиться с ними лично.

– Что? Прямо так и сказала?

– Он пытается записать обращение для автоответчика.

– Жесть! А почему он тогда держит трубку вверх ногами?

– Ты что, пытаешься оскорбить меня, сын? Я всемогущий бог! Ужас Подземного мира, я не держу эту штуку вверх... Ой...

Я услышала треск, а затем с трудом сдерживаемый смех Мэдокса.

– Папочка, запись все еще идет, скажи уже что-нибудь.

– Ну и хорошо! – За этим последовал измученный вздох. – Это телефон Аида, просто Аида. К сожалению, в данный момент я мучаю потерянные души. Не оставляйте мне никаких новостей, ведь я очень занятой бог и у меня нет времени говорить с каждым человеком.

– Папочка!

– Что? Это правда! Я...

Писк все еще был слышен. Это все еще была запись автоответчика. Я расстроено сбросила звонок и набрала номер еще раз.

– Это телефон Аида-Плутона...

Я с грохотом положила трубку и закрыла глаза. Черт возьми, проклятие! Аид не брал трубку и принципиально не перезванивал. Скорее всего, потому что не знал, как работает телефон. И что мне теперь делать? Немного беспомощно я осмотрела вампирский бар. Может быть, кто-нибудь мог бы мне помочь или... Мой взгляд остановился на паре светящихся красных глаз: их слегка выпивший владелец жадно смотрел на меня. От ужаса мое сердце ушло в пятки.

Это был вампир из лифта.

– Дерьмо! – Я с тревогой уставилась на него. Он прислонился к стойке: его глаза были мутными и стеклянными, рот измазан кровью. В душе я надеялась, что он был слишком пьян, чтобы заинтересоваться мной, но, к несчастью, Вселенная решила в очередной раз нагадить мне на голову.

– Ого! Кто тут у нас? Это точно судьба! Наш недавний цветочек. – От его голодного щебетания волосы на моей шее встали дыбом. Я бросила секундный взгляд на дверь и попятилась к выходу. Парень снова радостно зашептал, мягко оттолкнувшись от стойки.

– А ты – подражатель Дракулы из лифта, – сухо ответила я. Мне хотелось говорить жестко и спокойно, не как добыча, которую захотелось бы преследовать. Но мой голос, увы, дрожал от нервного напряжения. Вампир ухмыльнулся, обнажая ряд длинных белых зубов. Он определенно не нуждался в протезах.

– Так как мы с тобой, дорогая, старые друзья, я дам тебе преимущество... скажем... в пять секунд, прежде чем мои зубы окажутся в твоей маленькой ароматной шейке. – Его глаза вспыхнули.

Я и не думала отказываться от такого предложения. В лице вампира ясно читалась жадность, в пьяных глазах горели огоньки безумия. С колотящимся сердцем и потными ладонями я напрягла ноги и побежала прочь. Я расталкивала в стороны вампиров и людей, которые испуганно вскрикивали. В своем лихорадочном темпе я врезалась в стойку плечом, перепрыгнув через вампира в беспамятстве. Чуть не поскользнувшись на луже крови, я одним движением открыла дверь и вдохнула ртом воздух. Свежий воздух! Вампир позади меня засмеялся и стал считать:

– Один, два...

На «три» я уже завернула за угол. Умею ли я бегать быстрее, чем он, мы еще выясним, но я в этом сомневалась. Я напряженно бежала, расталкивая людей во все стороны, и чувствовала себя действительно ужасно. Под звук летящих мне вслед ругательств я повернула за угол. Вдруг я заметила большой мусорный бак. Мое спасение! Хотя я и так пахла мусором благодаря уличной грязи, бак должен был полностью скрыть мой запах. Достаточно, чтобы вампир не смог меня найти. К тому же я уже задыхалась, у меня кололо в боку, и я пыхла, как носорог.

Я смело повернулась, открыла измазанную жиром крышку бака и залезла внутрь. Всеобъемлющий запах заставил меня задыхаться. Я была по колено в чем-то, что мне точно не хотелось бы идентифицировать. Это было омерзительно, но было моим единственным шансом не оказаться ужином для кое-кого. Убежать от него мне бы в любом случае не удалось. О боги, что это за день такой!

Я наострила уши и услышала быстрые шаги вампира. Он подбирался все ближе ко мне. Рядом с моим укрытием шаги вдруг затихли. Я слышала, как он шумно дышит, и напряженно затаила дыхание. Его ноги нерешительно шаркали, отчего мое сердце было готово вырваться из груди. Холодный пот потек по моей спине. Вампир снова понюхал воздух, а затем поперхнулся.

– Проклятие, – услышала я его бормотание, а затем его шаги снова отдалились, ускорились и вовсе пропали. Перед моими глазами прыгали темные круги, когда я наконец выдохнула. Еще какое-то время я оставалась в баке, прислушиваясь, не вернулся ли кровосос. Когда звуки совсем стихли, я с трудом вылезла из мусора и уставилась на улицу перед собой. Все по-прежнему было тихо, кроме взмахов крыльев горгулий надо мной.

Рядом с баком стояло несколько старых ящиков, из которых доносился писк крыс-мутантов, но вампиров не было. Я с облегчением втянула свежий воздух в свои легкие и вытащила что-то из своих волос. О небо! Только час на этом этаже, и мне уже чуть не открутили голову, а сама я была измазана в дерьме, и одни боги знают, в чем еще. Я никогда, никогда, никогда больше не вернусь в этот ад! И не стану связываться с Глэдис. Я слегка вздрогнула, когда вдруг услышала шаги позади себя. Мягкие, плавные шаги, быстро приближавшиеся ко мне. Не думая, я вскочила и снова побежала, спотыкаясь время от времени. Теряясь в пространстве, я свернула за угол и столкнулась с гранитной стеной.

– Уфф! – Мой нос хрустнул, и я упала на пол. Удивительно, но «стена» упала на землю вслед за мной. Я вскрикнула и взмахнула руками. Моя ладонь наткнулась на чью-то кожу.

– Ай! Черт возьми! Что ты делаешь? – кричал на меня чей-то голос. Ах! Паника! Монстр! Насильник! Я все еще не хотела становится для кого-нибудь едой.

Я не подпущу ни одного вампира к своей шее. Я решительно согнула колени и пнула его в живот.

– Боже правый! – Тело надо мной согнулось, и мне действительно удалось стряхнуть его с себя. Я молниеносно вскочила на ноги и собралась бежать, но, к несчастью, чужая рука уже схватила меня за правую ногу, опрокинув. Я снова жестко упала на пол и почувствовала, как мои зубы стукнулись друг о друга. Рот наполнила кровь, солнцезащитные очки разбились.

– Отпусти меня! – Я панически трясла ногой, но злоумышленник равнодушно притянул меня к себе. Схватив меня за предплечья сзади, он зафиксировал мои руки за спиной. После этого я почувствовала его колено на своей пояснице. Застонав, я выплюнула кровь на пол и откашлялась.

– Черт! Ты кто вообще такой? – прокричал кто-то, и это звучало странно, ведь у меня больше не было шанса убежать. В любом случае это не был мой знакомый вампир. Я затаила дыхание и попыталась рассмотреть нападавшего хоть краем глаза.

– Да пошел ты! – фыркнул голос. Он был мягким и приятным, не старым, но и не молодым. Его колено продолжало удерживать меня на полу. У меня вырвался тихий крик боли, и хватка стала свободнее.

– Ты что, девчонка?

– Отпусти меня! – выплюнула я.

Мужчина тихо выругался.

– Девчонка! Этого мне еще не хватало. – Теперь голос был похож на рычание хищника. Звучный и опасный тон, от которого у меня по спине пробежали мурашки. Мужчина отпустил мое запястье, схватил меня за бедро и с удивительной легкостью поставил на ноги. Сбитая с толку таким большим количеством движений, я споткнулась; после этого меня грубо притянули к широкой груди. Да, это была та самая «гранитная стена».

– Отлично! Теперь нам обоим придется спрятаться. Ты не издашь ни звука, поняла, девочка? Один писк – и я перережу тебе горло.

От страха у меня отвисла челюсть. Мой взгляд скользнул от стены-груди вверх. Прежде чем мне подвернулась возможность сделать что-то глупое, а именно проверить серьезность его угроз и вонзить колено в его туловище, он поднял свою руку и зажал мне рот. Мы бесшумно исчезли в переулке, из которого я пришла. Он слишком грубо прижал меня к холодной стене. Казалось, что в моем мозгу вот-вот произойдет короткое замыкание из-за количества адреналина в крови. Что сейчас происходит? Сразу два нападения за неполные двадцать минут? Ад был просто сумасшедшим местом.

С моих губ сорвалось тихое всхлипывание, которое тут же было подавлено большой рукой. Я чувствовала покалывание, будто в моем теле появились новые сверхчувствительные нервные окончания, фиксировавшие каждое движение странного парня. Его широкая грудь поднималась так же быстро, как и моя, а руки были длинными и узкими. Они выглядели шокирующе молодыми, хотя на светлой коже виднелись десятки аккуратных шрамов. Мой нос уловил горький запах озона и меди. Видимо, у незнакомца шла кровь. Возможно, это была моя, так как я прикусила щеку, когда падала. Шли минуты, а мы все стояли, прижавшись к стене, как сумасшедшие, и чего-то ждали. Что именно? Я не имела ни малейшего понятия. С каждым вдохом мое тело все сильнее сопротивлялось принудительному объятию. Меня никто и никогда не трогает! Никто в здравом уме не станет прикасаться ко мне добровольно. А быть заложником, если честно, не очень круто. Почему именно я столкнулась на этом этаже с двумя самыми сумасшедшими ребятами во всем Аваддоне? Почему?

Как будто заметив мой внутренний конфликт, незнакомец опустил на меня взгляд. Мне даже показалось, что он сочувствующе мне улыбнулся.

– Мне очень жаль, девочка, – прошептал он мне на ухо. Мой капюшон, к счастью, все еще закрывал мое лицо, так что он не мог меня видеть. И тем не менее я чувствовала на себе его пристальный взгляд. Я испуганно прищурилась, оглядела его, и у меня перехватило дыхание. При ближайшем рассмотрении юноша оказался невероятно красивым. Я даже не знала, как еще его описать. Он был, как и ожидалось, высоким и худым. У него была бледная, как алебастр, кожа, а правую бровь разрезал тонкий шрам. Острые, будто высеченные из камня скулы, большие светло-серые глаза, похожие на серебряные зеркала, и в довершение всего его лицо украшал прямой и изящный нос. Полные губы открывались при каждом напряженном вдохе. Волосы средней длины мягкими локонами падали на шею и лоб юноши. Единственной странностью был цвет его волос: они были синими! В темноте я почти не заметила этого, но кудри, без сомнения, сияли полуночным цветом. Я еще никогда такого не видела.

Уголки его губ дрогнули, словно он почувствовал мой взгляд на своем лице, но его выражение осталось беспристрастным. Его глаза излучали ледяной холод, и мне даже показалось, что я увидела маленькие электрические молнии в его волосах.

– Когда охрана пройдет мимо нас, я отпущу тебя. Ты побежишь и ни разу не оглянешься назад, – тихо скомандовал он.

Высокомерие в его голосе сразу подействовало мне на нервы. Его руки все сильнее сжимали мой рот. Если он продолжит в том же духе, то я скоро задохнусь.

– Если ты умная девочка, ты никому не расскажешь о нашей встрече. Поняла? – Он потряс меня, словно непослушную собачку. В это мгновение мне захотелось помочиться на его ботинок. В переносном смысле, разумеется.

И все же я кивнула, прежде чем громкий лай и рев мужских голосов не прервали тишину. Юноша прижал меня к себе.

– Шоу начинается, – тихо прошептал он мне на ухо, когда мускулистые церберы бежали мимо нас. Слюни и острые зубы сверкали в свете уличных фонарей. Я уставилась на собак, которые остановились на месте и прислушивались к тишине. Их большие уши нервно дергались, а потные бока дрожали от напряжения.

– Я чувствую его запах! Он побежал дальше! – зарычал один из них.

Я его знала! Его звали Бладклоу. Он был охранником моего отца. Псы нерешительно рычали.

– Я сказал, вперед! – скомандовал Бладклоу, цапнув другого пса за задние лапы. Он тут же опустил хвост и крупную голову. – Пленник не должен сбежать от нас, он уже два дня скрывается! – прорычал лидер, побежав дальше и поднимая за собой пыль.

Стая ищеек бросилась вслед за ним, и их громкий яростный лай разрывал ночную тишину. Мое сердце больно билось в груди. Я еще ярвее почувствовала кровь у себя во рту и метнула взгляд в сторону своего похитителя. У меня не было никаких сомнений: псы искали именно его. Неужели из-за него было отключено электричество и заперты все входы и выходы? Я сердито сжала зубы. Если да, то я застряла здесь только из-за этого уroda, и только из-за него мне пришлось прятаться от сумасшедшего вампира в грязном мусорном баке. Из-за него мне пришлось скрываться от псов своего отца.

Мой ранее угасший боевой дух вернулся ко мне с новой силой. Он собирался перерезать мне горло? Тогда ему сначала придется пережить пинок под зад! Так быстро, как только возможно, я размахнулась и вонзила локоть в его живот. Незнакомец был настолько обескуражен внезапным нападением, что, тяжело дыша, отпустил меня.

– Что? – Он снова схватил меня, но я высвободилась из его хватки и как можно сильнее пнула его в голень. Это, к моему раздражению, не заставило его даже выругаться, он просто сердито смотрел на меня. Его смехотворно идеальные ноздри раздувались, и он окинул меня таким холодным взглядом, что у меня по спине побежали мурашки. Я смерила его таким же ядовитым взором.

– Это все из-за тебя! – обвинила его я, нанося удар. К сожалению, парень без труда поймал мои пальцы и снова грубо прижал меня к стене. Раздался жуткий грохот. Вокруг моей головы летали звездочки, а на нас сыпались куски камней.

– Что бы ты ни затевала, не делай этого. – Его взгляд был холодным и неумолимым, но при этом таким красивым, что мой желудок сжался. Бледный свет упал на края его челюсти, разрезая его ангельские черты надвое.

– Отпусти меня, чертов ублюдок! Ты – тот, кого они ищут! Из-за тебя мне пришлось идти пешком! Я всем расскажу, где ты!

– А вот и не расскажешь! – огрызнулся он.

Его голос звучал как предупреждающий рык хищника, и теперь я без сомнения видела молнии у него в волосах. Что это такое? Он все больше сжимал мою руку.

– И как ты собираешься это предотвратить? Убьешь меня? – засмеялась я. Смело, но неразумно, потому я мысленно закатила глаза от своей тупости.

Классно, Ворриор. Именно это и говорят сумасшедшим типам, которые только что сбежали из тюрьмы!

– Именно так! – выплюнул он мне в лицо. В своих мыслях я начала хныкать, но в жизни я продолжала сердито на него пялиться. Ух ты, моя собственная тупость иногда удивляла даже меня.

– Я убью тебя, причем жестоко, если ты сейчас же не замолчишь!

– Пошел к черту! – прошипела я, плюнув ему прямо в лицо. Почему я так по-идиотски себя вела? Я же сама копала себе могилу. Обычно я не была такой сумасшедшей!

Незнакомец равнодушно поднял бровь, и только его челюсть устрашающе напряглась. Его пальцы дрогнули, словно он пытался остановить себя в порыве оторвать мне голову сию секунду.

– Ты понятия не имеешь, кто я такой, – наконец сказал он. Его тон был холодным и безэмоциональным, от хладнокровного взгляда кровь стыла в жилах. Казалось, будто за его зрачками лишь ледяная пустота, темная и абсолютно безжизненная.

– Ты – придурок без яиц, берущий женщин в заложники! – быстро ответила я. На его лице появилась улыбка:

– Меня называли именами и похуже. Почему ты пахнешь розами, которые упали в навоз?

Я сердито открыла рот, но была прервана длинным глубоким рычанием. Незнакомец замер, прежде чем его голова тревожно повернулась в сторону. В переулке позади нас появилась огромная собака. Ее красные глаза торжествующе светились. С челюсти цербера капала слюна, когда он тихим шагом крался в нашу сторону. Его лапы оставляли длинные трещины в земле.

– Я нашел тебя по запаху, урод. Хозяин по-королевски меня за это вознаградит. Ты не сможешь спрятаться от меня за своей дамочкой.

Незнакомец сердито выругался.

– Я этого не хотел, девочка, – прошептал он мне почти извиняющимся тоном, медленно двигаясь позади меня, – но лучше ты, чем я.

– Что? – Я удивленно открыла рот. В ту же секунду цербер с оглушительным лаем ринулся вперед. Его тяжелое тело летело в мою сторону, а когти вытянулись. Сбитая с толку, я почувствовала сильный толчок в спину и упала вперед. Цербер приземлился на меня и вгрызся мне в шею. Перед глазами снова запрыгали звездочки. Ужас, как это больно! Все мое тело содрогалось от шока, пока острые зубы рвали мою плоть, а незнакомец развернулся и убежал.



Глава 3

Я что, не на небесах? Верните мне мои деньги!

- Ворриор, просыпайся!
- Ммм...
- Ворриор!
- Ммм... отстань от меня, я умерла.

Вздых.

- Нет, не умерла. Ты лежишь на диване.
- Я... что? – Я удивленно моргнула.

Свет, который я по ошибке приняла за «свет в конце тоннеля», оказался... пыльной люстрой? Перед глазами немного плыло, поэтому я моргнула еще раз. Люстра, пауки, пыль в моем носу, значит, точно не небеса. Я медленно подняла руку и вытерла соленую щеку. Видимо, я плакала, потому что мои глаза были красными и опухшими, как и мой нос, из которого сексуально вытекали сопли. Но почему моя шея так болела, это был...

– Пе... Пе... ПЕС! – Я в ужасе поднялась и невольно схватилась за горло. О боже! Чертов цербер! Я слышала, как сломалась моя шея, зубы пробили мою трахею и раздробили кости. Я все еще чувствовала на своих губах кровь, вытекающую из моего рта. Я уже попрощалась со своей разочаровывающей пустой жизнью и прокляла отца и мать за плохое воспитание, но где же я была в итоге?

– Я что, не на небесах? Верните мне мои деньги! – пробормотала я. Маленькая часть меня все еще цеплялась за мечты об облачках и ангелочках после смерти. Еще один вздох дошел до моих ушей.

- Дочь, ты действуешь мне на нервы!
- Что?.. – Со мной так разговаривал лишь один человек. – Папочка? Ты тоже на небесах?

Бог Подземного мира посмотрел на меня с раздражением. Он устроился рядом со мной в большом кресле с подлокотниками. Сидя нога на ногу, он поставил свой iPad на правую коленку. Его темные волосы средней длины были идеально убраны назад, а фиолетовые глаза неодобрительно смотрели на меня поверх планшета. Он был одет в темный костюм и подходящий к нему красный галстук. Кожа была непривычно бледной. Смерть собственной персоной представляла собой впечатляющее явление. С каждым движением его тела черный дым капал на пол, собираясь у его ног, словно зловещее грозное облако. Его длинные бархатные крылья были сложены на спине. Бог смерти и его сыновья были единственными в Подземном мире, кто обладал такими крыльями. Каждый, кто их видел, сразу же понимал, что обладатель принадлежит к роду Аида. И только у меня таких не было.

– Ворриор. Если ты закончила со своими неуместными шутками, я бы хотел с тобой поговорить.

Я с огромным трудом уселась на диване и вытянула шею. Кажется, она еще не зажила. Действительно странно. В смысле... спасибо, конечно, что зажила, но я явно ничего не понимала. Я точно помнила, как мое горло оказалось во рту пса. От этой мысли мне в ту же секунду стало плохо.

- Как... как... я сюда попала, папочка? Я же только что была на этаже 144-м!

Я специально называла его папочкой, потому что знала, что это невероятно его раздражало, и в то же время ему это нравилось. Но он этого никогда не признает.

Властитель Подземного мира неодобрительно скривил рот и отложил планшет в сторону.

– Что... это что, очки? – спросила я, немного озадаченная незаметной серебряной оправой на его носу.

Аид на мгновение замер. Его ноздри раздулись, а затем он моментально сложил очки и спрятал их в своем нагрудном кармане.

– Нет, не очки, дочка. Мы должны поговорить. Я очень на тебя зол.

– Ой! – тихо сказала я, пытаясь натянуть капюшон на лицо. Но на мне не было капюшона. Я панически пыталась его нащупать, но нашла лишь пару потрепанных кусочков ткани.

– Дерьмо!

– Не беспокойся. Никто тебя не видел, кроме цербера. Кстати, это он принес тебя ко мне.

– Аид, пожалуйста, ты...

– Не надо недооценивать меня, Ворриор! Я бог и твой отец! – резко прервал меня он. Бог внезапно встал на ноги, и у его ног начал клубиться туман. Его крылья дрожали, длинное перо с одного из них упало на пол. – Не будь такой надменной! Ты же не думаешь, что ты могущественнее богов? Твоя внешность не имеет никакого влияния на меня, чего я не могу сказать об остальных моих людях. Ну и что, во имя всех богов, ты делаешь здесь, внизу?! – все громче кричал он мне в лицо. Его фиолетовые глаза, точь-в-точь как мои, светились гневом. Я пугливо поджала губы и опустила голову, чтобы занавеска из золотистых волос могла прикрыть мои наворачивающиеся слезы. Аид нечасто на меня кричал, хоть он и мой отец. В такие моменты я боялась его до чертиков.

– Папочка, я...

– Ты же дала обещание мне и своей матери! – бросил он, игнорируя мои робкие возражения. – Кто мы такие, как ты думаешь, Ворриор? Мы боги! Не забывай об этом ни на секунду! Ты пообещала нам не привлекать к себе слишком много внимания! Ты опасна и портишь нашу репутацию в Олимпе! Мы не можем упрекнуть тебя в том, что ты родилась с изъяном, но ты в силах хотя бы вести себя порядочно и не позорить нас! – Его рев сотрясал комнату, заставляя люстру на потолке звенеть. Дым у его ног почти заполнил комнату, приглушив свет, отчего стало неприятно темно. Но самого бога было хорошо видно, как будто его кожа светилась изнутри. – На сегодняшний день у тебя было лишь одно задание, Ворриор! Ты должна была пройти свой ежемесячный медосмотр. Но что выясняется? Мне звонят и говорят, что моя дочь оскорбила моих сотрудников и поэтому была отправлена в темницу! Это не то поведение, которого я ожидаю от своих детей!

Я могла бы упомянуть о том, что мои братья делают куда больше глупостей, чем я, просто не так часто на этом попадают. Но я приняла мудрое решение промолчать и постаралась сдерживать слезы.

– Ты можешь быть моей дочерью, – рычал Аид, – но не думай, что я буду с тобой нянчиться. Ты – дочь двух богов. Я ожидаю от тебя большего, чем это! – Он презрительно указал пальцем на сторбившуюся меня. – Еще один проступок – и я тебя выпорю! Ты что, думаешь, что я не знаю о твоём маленьком укрытии у Сократа? Что ты тратишь свое время на просмотр телевизора и тупые видеоигры? Я закрывал на это глаза, но с сегодняшнего дня с этим покончено. Очевидно, ты забыла, кто мы такие! Из-за твоей глупости одному из моих лучших псов сегодня пришлось умереть!

– Отец, я... Он мертв? – испуганно спросила я. О нет, только не это, только не снова.

– Мне пришлось убить его, иначе он разорвал бы любого, кто попался бы ему на глаза. Один взгляд на твое лицо, и он уже выжил из ума. Мне пришлось собственноручно вырывать тебя из его пасти.

Я вздрогнула и почувствовала, как слезы подступили к глазам.

– Я... я этого не хотела, – прошептала я хриплым голосом, напряженно сглатывая ком в горле. – Правда! Я хотела взять такси. Но этажи были закрыты, и мне пришлось идти пешком. Там был... – Я вспомнила белоснежную кожу и ярко-синие локоны. Волосы на моей шее тут же

встали дыбом, голова загудела. – Там был этот парень... он... он бросил меня в пасть собаки. Я ничего не могла сделать!

Аид прищурился, его крылья беспокойно дрожали.

– Мне известны детали происшествия. Ты должна благодарить судьбу за то, что твой капюшон сполз с твоего лица, иначе пес разорвал бы тебя. – Его голос немного смягчился. Дым понемногу вернулся к его ногам, и комната залилась мягким светом. – Этот *парень*, этот подлец, на которого ты, к сожалению, натолкнулась, сбежал из Тартара. За последние несколько часов побега он убил трех аваддонцев и чуть не убил тебя!

Я посмотрела на отца округлившимися глазами. Значит, парень сбежал из Тартара? Я и не знала, что это возможно. Трясущимися руками я дотронулась до своего горла. Я слишком отчетливо чувствовала зубы пса, разгрызавшего мою кожу. Мой капюшон сполз? При всем желании я не могла этого вспомнить. И тем не менее я сидела здесь. Невредимая. Мой голос дрожал.

– Мне очень жаль, отец, – с трудом выдавила я. Что еще я могла сказать? Ущерб уже был причинен. Аид продолжал гневно смотреть на меня, но тени окончательно вернулись к его ногам. Я с облегчением выдохнула, когда он, шелестя крыльями, подошел к двери в другом конце комнаты.

– Хорошо, Ворриор. Возможно, ты будешь рада это услышать: мы смогли поймать этого подлца. Он сидит в Тартаре и останется там.

– Что? Как? – Я удивленно вскочила на ноги и чуть не упала. Ай! Все мое тело было разбитым. С искаженным от боли лицом я потеряла шею. – Как вы смогли его поймать?

Аид фыркнул:

– Не будь такой наивной, Ворриор, никто не в силах сбежать от своей судьбы. Уж точно не такой монстр, как он. Иди в свою комнату. Завтра я доставлю тебя в Лондон, и не забудь что-нибудь наде...

Он не успел договорить, когда дверь уже закрылась за ним. На ватных ногах я снова уселась на диван и стала массировать свою окаменевшую шею. Голова болела так, словно раскаленные железные гвозди непрерывно сверлили мой череп. Значит, незнакомца схватили? Как он вообще смог целых два дня прятаться от псов моего отца? Меня почти восхищали ум и смелость, которыми должен был обладать человек, чтобы совершить такой поступок. Этот парень... этот мужчина, очевидно, сидел в самой суровой тюрьме мира бессмертных не без причины. Кто знает, от какого монстра мне удалось сбежать. По моей коже снова побежали мурашки. Его ледяные серые глаза были такими пустыми, словно в них не было ни единого признака жизни. Я радовалась, что псам удалось поймать его. Он жутко меня напугал. Я не могла избавиться от воспоминаний о молниях в его волосах. Теперь он, по крайней мере, не сможет никому навредить. Отлично, что он сидел в Тартаре, хотя я и слышала ужасающие вещи об этом месте. Не так много, и это были скорее слухи, чем факты, но этого было достаточно, чтобы я все время видела кошмары. Только самые опасные монстры, великаны, валькирии и боги, как, например, титаны, были заперты в Тартаре. Это место считалось тюрьмой строго режима в сверхъестественном мире. Никто оттуда не возвращался. В теории. Очевидно, бывали и исключения с синими волосами.

Со странным чувством в животе я встала на ноги и покинула гостиную. Когда я поднялась, то схватила подушку со старого разваливающегося дивана, на котором лежала, и в целях защиты поднесла ее к лицу. От моего капюшона все-таки ничего не осталось, кроме жалких кусочков ткани. Этого мало, чтобы нормально закрыть лицо, а риск того, что сегодня я сведу с ума кого-нибудь еще, был слишком велик. Если кто-то встретится мне на пути, я могу хотя бы предупредить его о необходимости отвести взгляд. Или использовать подушку как оружие – все зависит от того, кто встретится мне на пути. Тяжелая дверь гостиной открылась, и я начала свой путь через чудовищное поместье Аида, представляющее собой центр 146-го этажа. Дом

был почти полностью выполнен из темного камня и мрамора: за все века своего существования здание стало сбивающим с толку сочетанием средневековых стен, барочных крыш, дизайнерской мебели двадцатых-сороковых годов и современных оконных фасадов. Древнегреческие колонны в несколько метров высотой упирались в куполообразный потолок, украшенный художественными картинами эпохи Возрождения. Цвета уже поблекли, фрески осыпались, и от них остались лишь небольшие клочки воинов, пытающихся повалить друг друга на землю. Единственный, кто был почти узнаваем, стоял немного в стороне от сражения и смотрел на поле боя с кровавыми слезами на лице. Его иссиня-черные волосы было легко узнать.

Я остановилась на месте, откинув голову, и удивленно смотрела наверх. Видимо, один из моих братьев недавно открыл в себе творческую личность. В последний раз, когда я здесь была, у моего отца еще не было шрама Гарри Поттера и усиков Гитлера.

Закатив глаза, я пошла дальше, и мои шаги эхом отражались от голых стен. Факелы соседствовали с современными лампами, а ржавый рыцарь в доспехах прислонился к пыльной картине Пикассо. У окон вздымалось несколько красных лавовых ламп. Бетонный пол сменился мраморным, а затем черно-белой плиткой, и я оказалась в большом холле. Его стены были украшены большими сужающимися книзу окнами: из них открывался чудесный вид на ночной горизонт Аптауна. Поскольку мы находились под землей, луны видно не было, но электричество, видимо, включили, так что город сиял морем ярких огней. В отличие от этажа 144-го, состоявшего их вонючих бараков, этаж 146-й был высокоразвитым городом. Аваддон был адом не только в классическом смысле: здесь не просто наказывали плохих парней, это место также стало совершенно независимым мегаполисом. Темный мир, который развивался все четыре тысячи лет. Стоит признать, к этическим взглядам в Подземном мире надо было привыкнуть, а на некоторых этажах время остановилось еще во времена Средневековья, но Аваддон был цветущей и постоянно развивающейся цивилизацией. Я радовалась, что была ее частью, хотя бы иногда.

– Эй, принцесса, я слышал, что ты конкретно разозлила нашего старика.

Я испуганно вздрогнула, развернувшись вокруг своей оси с подушкой у лица.

– Мэдокс! Не смотри! – огрызнулась я, но этот идиот лишь задорно засмеялся, подходя ко мне с закрытыми глазами.

– Не паникуй, Ворриор, солнышко. Твой запах можно почуять за десять километров. Есть ли какое-то объяснение тому, что ты пахнешь фекалиями и мусором? Я что, пропустил международный день вонючки? Если да, я быстро завернусь в органические отходы.

Мое лицо покраснело, когда я посмотрела на себя. Проклятие! Еще на 144-м этаже я обмазалась этой грязью.

– Господи, какой стыд, – заскулила я, что заставило Мэдокса смеяться еще громче. Я мрачно уставилась на него, но была рада его видеть. Мой единокровный брат был высоким молодым человеком, но в отличие от других моих родственников состоял не только из мышц и садистских наклонностей. Хотя он и унаследовал эти черты от отца – причем в полной мере, – его личность, в общем, была куда приятнее. Как у игривого дикого кота. Его густые темные волосы торчали во все стороны, а кожа светилась светло-коричневым светом. Крылья Мэдокса были цвета шоколада. Он, как всегда, где-то потерял свою рубашку и ходил по зданию в рваных джинсах. Вокруг его пупка красовалось вытатуированное солнце. Если спросить его о значении татуировки, он рассказывал своим слушателям, – как правило, женщинам, – слезливую историю о чистоте души и благоговении перед богами. В действительности он был очень пьян в тот вечер, и ему повезло, что он ткнул пальцем в картинку с солнцем, а не с бабочкой. Я была единственной, кто знал, что все два часа он хныкал, как маленькая девочка, и в конце его стошнило на себя. Можно сказать, мы с ним всегда были лучшими друзьями. С разницей всего в два года, мы были самыми младшими в роду Аида. С остальными пятью сыновьями бога Подземного мира разница в возрасте составляла от одного года до тридцати лет. Эти молодые

люди были намного сильнее и намного более склонны к нарциссизму, особенно в прошлом. Поэтому жизнь сблизила нас с Мэдоксом.

– Ты можешь, пожалуйста, прекратить меня нюхать? У меня не было другого выбора! – огрызнулась я на него, пытаясь пнуть в голень. Несмотря на то что его глаза были закрыты, он мастерски увернулся от моего псевдониндзя-нападения.

– Какой еще выбор? Между собакой и мусорным баком? – рывкнул он, вытирая слезы смеха, вызванные своей собственной шуткой. Ха-ха-ха, такой шутник.

– Просто заткнись! Мне надо переодеться, пока меня еще кто-нибудь не увидел.

– Но ты же не голая, нет? – заинтересованно спросил Мэдокс.

Я тут же хлопнула его подушкой по голове.

– Нет! Ты что, придурок? Открыто только мое лицо, – ответила я, ныряя к парадной лестнице, ведущей на второй этаж.

Мэдокс в отличном настроении последовал за мной. Глаза он все еще держал закрытыми.

– Только лицо? Ну и почему тогда столько шума? Отец рассказывал о твоих вещах, которые были полностью разорваны. – Его беззаботная реплика заставила меня внезапно остановиться.

Мэдокс тут же в меня врезался.

– Уфф... что за... Ворриор?

– Он... Один из церберов погиб сегодня из-за моего лица. – Мой голос звучал подозрительно равнодушно.

Мэдокс напрягся. Он нащупал рукой мое лицо и бесконечно ласково погладил меня по щеке.

– Мне очень жаль, Ворриор. Отец только начал рассказывать. Я сразу убежал, чтобы найти тебя, и не дослушал историю до конца. Если хочешь, можешь ударить меня! Я идиот и не заслужил иного.

Я невольно захихикала, когда Мэдокс с лицом мученика вытянул ко мне свою голову и попытался найти мои руки.

– Давай! Подними свой маленький кулачок и врежь мне!

– Что за дурак! – Смеясь, я потрепала его по и так растрепанным волосам и поцеловала в кончик носа.

Мэдокс одарил меня озорной улыбкой, как вдруг я увидела что-то серебристое у него во рту.

– Что? Мэд... Ты еще и язык проколол? Пирсинга в ушах и брови тебе не хватило? Ты что, хочешь выглядеть как подушечка для булавок? – раздраженно спросила я, когда мы поднялись на другой этаж. Было просто чудом, что он не упал лицом вниз. В качестве меры предосторожности я с помощью указательного пальца на спине направляла его, чтобы он преодолел все преграды. Мраморный пол наверху был уютно подогрет, а старые кушетки винно-красного цвета теснились в пыльных нишах еще со времен Древнего Рима. На стенах висели старинные бюсты и картины с изображениями богов и других легендарных фигур, там же были сложные цветочные композиции, которые смотрелись неуместно и слишком свежо во этом древнем мусоре.

– Фрезии? – измученно спросила я, когда мы проходили мимо букета, торчащего из рыцарских доспехов. Мэдокс состроил жалостливую мину:

– Мать сегодня здесь, мне очень жаль, принцесса!

Я застонала. Сегодня точно был не мой день.

– Так что с твоим металлом в языке? – Прищурившись, я попыталась еще раз рассмотреть эту штуку у него во рту. Ага! Она однозначно там. Широкая улыбка Мэдокса обнажала спрятанное изогнутое кольцо с красными стразами.

– Ты про пирсинг? Это был спор с Брайтом. Не надо рассказывать мне, что это сумасшествие: поверь мне, меня уже достаточно побили по голове за это.

Он потер свой подбородок, ударившись в болезненные воспоминания, а затем посмотрел в мою сторону. Его зеленые глаза стали выглядеть темнее. Когда я предупредительно шлепнула его, он раздраженно вздохнул, но все же закрыл глаза. Короткий взгляд его не убьет, но лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

– Я думал, отец выдернет из меня эту штуку вместе с языком.

Я сочувственно поморщилась и взяла его за руку. Наши пальцы медленно переплелись: мы делали так со времен детского сада.

– Что говорит по этому поводу Персефона?

– Ты шутишь, что ли? За это меня мама и била!

– Ой! – Я не смогла не улыбнуться при мысли об этом, но все же страдала вместе с ним. Персефона была матерью Мэдокса и Брайта, а также женой Аида с самых незапамятных времен. У остальных моих братьев были другие матери, причем никому не известные личности. У богов есть некоторые проблемы с понятием верности. Во всяком случае, именно такое впечатление создавалось при виде потока женщин, регулярно выходящих из спальни моего отца. Или за потоком мужчин и женщин, выходящих из комнаты Персефоны. Но так как она с Олимпа, только несколько месяцев в году ей разрешалось жить в аду со своими сыновьями. Персефона, как некогда и ее мать, Деметра, была богиней плодородия и весны. Факт того, что она вышла замуж за Аида, который был одним из самых мрачных парней, которых я знала, до сих пор мне непонятен. Они даже не были похожи на любящих друг друга людей. Так или иначе, Аид бескомпромиссно утверждал, что захотел обладать Персефой, как только ее увидел. Однако когда он попросил у моего дяди Зевса разрешения жениться на ней, у того не хватило смелости ни согласиться на это, ни отказать ему. Аид, разумеется, воспринял это как согласие и взял ее с собой в Подземный мир. Ее мать Деметра была так зла на него, что позволила всем растениям на свете погибнуть, чтобы люди умирали от голода. В конечном итоге Аиду пришлось отпустить жену из Подземного мира, но так как Персефона уже была замужем и находилась на позднем сроке беременности, Деметра согласилась отпустить дочь к мужу на четыре месяца в году. Правда, богиня до сих пор не позволяла растениям цвести в эти четыре месяца, поэтому людям приходилось переживать зиму из-за этой старой кочерги.

Эти истории мы с Мэдоксом слышали с самого детства. Было ли это правдой или же Аид просто подцепил Персефону в баре, навсегда останется тайной. Боги любят с помощью историй присваивать себе разные геройские поступки. Персефона не была исключением. Она унаследовала от матери очаровательный драконий характер, что легко можно прочувствовать на себе, получив от нее хук справа. Пощечины она раздавала направо и налево. Во время ее четырехмесячного пребывания в аду я старалась появляться здесь как можно реже.

– Я с нетерпением жду встречи с ней, – тихо зарычала я, оказавшись перед дверью своей комнаты. Так как я проводила не очень много времени в Подземном мире, моя спальня была значительно меньше, чем покои моих братьев. Ничего страшного, я могла легко обойтись без собственной оружейной и спортивной зала. Аид, правда, чувствовал необходимость забросать меня тонной одежды, которую я никогда не надену. Большая розовая дверь, на которой мы с Мэдоксом нарисовали слащавых радужных единорогов, сразу же узнала меня, открываясь с приглашающим скрипом.

– Садись! – сказала я Мэдоксу, потащив его в сторону кровати. – Я сейчас быстро переоденусь.

Он тут же упал на голубую кровать с балдахином, и несколько его перьев разлетелось в разные стороны.

– Понял тебя. Скажи мне, ты хочешь поговорить о сегодняшнем дне? – спросил он, роясь в моих подушках, словно огромный щенок.

Отлично, завтра мне придется вылавливать несколько десятков выпавших перьев из своих волос.

– Конечно, – вздыхая, ответила я и начала свой рассказ с ужасной стычки с Глэдис. Я выловила из своего шкафа черные джинсы и подходящую к ним толстовку. Я небрежно сбросила свои грязные ботинки и выбросила носки в мусорку – они ужасно пахли навозом.

– А потом появился этот вампир, – продолжала я, направляясь в ванную комнату. – Этот идиот взял мой след, поэтому мне и пришлось прятаться в мусоре! – Я быстро разделась и встала под душ. Я намылила волосы и протерла свою бледную кожу, на которой проступили синяки и ссадины.

– А что было потом? – Голос Мэдокса донесся до меня сквозь пар в ванной.

– Что? Вали отсюда, извращенец и вуайерист! Я сейчас все расскажу! – Ругаясь, я выплюнула немного воды.

Мэдокс тем временем натянул на глаза одну из моих масок для сна.

– Пфф, успокойся, я и так на тебя не смотрю. Мне стало интересно, так что рассказывай дальше.

Я помедлила, прежде чем начать, и убедилась в том, что Мэдокс опустил на закрытый унитаз и правда ничего не видит. Я продолжила свою историю, торопясь поскорее выйти из душа.

Завернувшись в пушистое полотенце, я протерла запотевшее зеркало и посмотрела на свое лицо, не останавливая свой рассказ:

– А потом появился этот парень. Он... он был особенным, я... – Я бормотала, смотря на себя в зеркало, и заметила, что черты моего лица стали жестче. Каждый раз, когда я видела свое отражение, меня не покидало чувство, что я смотрю на другого человека. Может быть, дело было в моих натянутых нервах или ужасном дне, который остался позади, но я еще никогда не казалась себе такой странной. Без вещей, которые меня закрывали, я была совсем другим существом. Мое тело было хрупким, а талия, переходившая в изогнутые бедра, узкой. Золотистые волосы волнами спадали на мое тело, почти щекотали мои колени. Я уже много раз пыталась их обрезать, но, к сожалению, они отрастали быстрее, чем я успевала их стричь. Единственным «темным пятном» в этом идеальном образе златовласки были мои кошачьи фиолетовые глаза, полученные от отца. Они выглядели из-под завесы моих угольно-черных ресниц. Мое лицо было просто идеальным: ни прыщей, ни родинок, ни морщин. Все во мне было красивым, и я выглядела хрупкой, как стекло. Мое отражение показывало мне чертового ангела с золотистыми волосами. Самая красивая дочь Афродиты за многие тысячи лет, как презрительно замечает моя мать. С небольшой оговоркой: моя красота способна уничтожить любого, кто ее увидит.

Если смотреть на меня, можно стать одержимым. Для этого было достаточно кусочка обнаженной кожи. Одно неловкое движение – и человек сходил с ума от желания из-за меня. Привязанность превращалась в разрушительный контроль, защитный инстинкт – в яростную ревность. Даже мой запах погружал человека в зависимость, как сладкий наркотик.

Боги называют это «синдромом Медузы», в более широких кругах болезнь известна как «эффект Медузы». Все дело было в генетическом дефекте. Избыток магической крови в теле, которое было для этого слишком слабым. Грустная правда состояла в том, что я была монстром с ангельским лицом. Я с отвращением отвернулась от своего отражения, подавляя подкатывающуюся к горлу ненависть к себе.

– Брось это, Ворриор. Ты не можешь изменить того, кто ты есть и как ты выглядишь, – прервал Мэдокс мои размышления. Я удивленно посмотрела на своего брата, который все еще сидел на унитазе с нелепой маской для сна на глазах. Он с задумчивой улыбкой повернул голову в мою сторону. Уже не в первый раз мне казалось, что он может читать мои мысли.

– Ты ничего не можешь с этим поделаться, Ворриор, и даже если могла бы, я не стал бы ничего в тебе менять, – прошептал он.

Я грустно улыбнулась ему в ответ. Его вера в меня была непоколебимой. Уже много лет, если быть точнее, с начала моего пубертатного периода, он не видел моего лица, даже кусочка обнаженной кожи. Хотя он и был уверен в том, что сможет сохранить контроль, это все равно оставалось лишь теорией. Я не выдержу, если разрушу его жизнь одним взглядом.

– Спасибо, – вздохнула я, начиная сушить волосы, которые тут же завивались в идеальные локоны на моей спине. После этого я надела свои новые вещи.

– В любом случае, – продолжила я свой рассказ, быстро заплетая свои волосы, – он бросил меня на растерзание псам! – Я небрежно засунула косу под капюшон и натянула его на лицо.

– Что? Просто так? – Мэдокс нахмурился.

– А? Э-м... нет. Я думаю, они должны были есть меня до тех пор, пока он будет растворяться в воздухе.

Хмурый взгляд Мэда превратился в гневный оскал.

– Грязный маленький ублюдок! Хитрый, испорченный и бессовестный, он явно пришел из самой темной адской дыры. Но как ты смогла выжить? – Ноздри Мэдокса дрожали от подавляемой ярости.

Я беспомощно пожала плечами:

– Это, наверное, самое странное во всей ситуации. Я и сама этого не знаю. Я думала, что уже умерла, но нет, со мной ничего не произошло. Мой капюшон соскользнул вниз, прежде чем что-то смогло произойти. Пес увидел мое лицо, а об остальном ты можешь догадаться! – Я нервно прикусила нижнюю губу и взяла новые солнцезащитные очки из шкафчика под раковиной. Это была модная дизайнерская вещица, закрывавшая своими темными стеклами больше половины моего лица. Очки окутывали мой мир в вечную тьму. Я их просто ненавидела, но все равно надела, а затем новые перчатки и обувь.

– Вот и все. Дерьмовый день! Можешь уже снимать свою девчачью маску, Мэд, я готова.

Брат тут же сорвал ее со своего лица и бросился ко мне. Я удивленно завизжала, когда он резко прижал меня к себе. Его темные крылья тихо зашуршали, когда он обернул их вокруг нас, словно защитный кокон. Какое-то время я сопротивлялась этой вспышке эмоций, но когда заметила, что его плечи трясутся, положила голову на его грудь и успокаивающе погладила по напряженному бицепсу:

– Не беспокойся. Со мной все хорошо, Мэд. Ничего плохого не произошло.

– Я убью этого уроды! – зарычал он в ткань моего капюшона и резко выдохнул. – Я найду его ввалившуюся задницу, отрежу его скользкую башку и скормлю ее псам.

Я тихо засмеялась и продолжила гладить его руку, которая напрягалась еще больше.

– Все понятно, великий воин. Во-первых, его голова не была скользкой, а во-вторых, он вернулся в Тартар, так что можешь прекратить планировать свою кровавую месть, ладно?

Мэдокс тут же опустил свои крылья. Он мрачно уставился на меня и поджал губы.

– В каком смысле не была скользкой? Он прикасался к тебе, испугал тебя и чуть не скормил псам. В моих глазах это превращает его в мерзкую и грязную крысу с чумными шишками на причиндалах.

Я раздраженно закатила глаза и пошла в спальню.

– Оставь его, Мэд. Я не хочу больше о нем говорить.

– Ты что, смогла рассмотреть его поближе? – недоверчиво спросил брат. Его глаза хищно засветились в тусклом свете потолочной лампы.

– Черт подери! Конечно, я его видела! Он прижимал меня к себе, как игрушечного мишку.

Ноздри Мэдокса раздулись:

– Ты позволила ему к себе прикоснуться?

– Что? – Я была ошеломлена тем, в какую сторону развивается этот совершенно нелепый разговор, и уперлась руками в бока. – Нет, болван! Разумеется, я не позволяла ему к себе прикоснуться. Представь себе, это не было добровольно, когда меня прижал к стене сумасшедший мускулистый тип в грязи, угрожая перерезать мне горло!

Мэдокс уставился на меня и продолжал долго на меня смотреть.

– Он был мускулистым?

– Ох... – Я со смехом бросила в Мэдокса подушку со своей кровати. Она мягко ударила его по лицу и, словно плоский блин, приземлилась на пол.

Мэдокс поднял одну бровь:

– Это домашнее насилие, женщина! Но не уходи от темы. Он что, был мускулистее меня?

– Да заткнись ты уже, Мэд! Я не хотела, чтобы меня похищали, не хотела, чтобы ко мне прикасались, но, к сожалению, я ничего не могла с этим поделать. Давай уже прекратим говорить об этом. Мы его больше никогда не увидим!

Я гневно прошествовала к двери мимо Мэдокса.

– Ворриор, – удержал он меня тихим голосом.

– Что? – нервно повернулась я.

Подушка жестко ударила меня по лицу.

– Последнее слово не всегда должно оставаться за тобой, – фыркнул он, проходя в коридор, высоко задрав нос.



Глава 4

Только у Ворриор хватает духу называть старика папочкой

– И чем все это закончится?

– Что? – одновременно спросили мы с Мэдоксом.

Красотка со светло-коричневой кожей и густыми длинными волосами неодобрительно подняла бровь и цокнула языком.

– Это! – прошипела она, насмешливо указывая на нас обоих.

После того как Мэдокс на полной скорости убежал из моей комнаты, я наконец поймала его в салоне, где безуспешно пыталась задушить подушкой. К сожалению, он был сыном Аида, а также гораздо более опытным бойцом подушечных войск, чем я, поэтому в конечном итоге мы превратились в катающуюся по полу кучу из рук и ног. После нескольких моих диких атак он решил, что пора продемонстрировать свое превосходство, и потому сел на мой живот и удерживал мои руки, пока я отчаянно пыталась его пнуть. Смех, правда, застрял у меня в горле, когда Персефона ворвалась в салон. Смутившись, я перестала пинать Мэдокса и поспешно попыталась стряхнуть его с себя. Однако он остался сидеть на мне с глупой усмешкой. Его волосы торчали во всех направлениях, а во время нашей схватки он разбросал десятки перьев по комнате.

Богиня уставилась на нас с отвращением.

– Сын, отпусти выродка, пожалуйста. Мне не нравится, когда ты слишком близко к ней подходишь.

Взгляд Мэдокса помрачнел. Я незаметно толкнула его, но он вызывающе поднял бровь вверх и остался сидеть на мне под ядовитым взглядом своей матери. Рада, что ему удобно, но мои кости были готовы сломаться в любую секунду. Я в панике толкнула его еще раз, пока он наконец не поднялся с меня. Пыхтя, я встала на ноги и хотела незаметно исчезнуть из комнаты, но мой любимый придурок-брат схватил меня за плечи и храбро прижал к своей груди. Просто замечательно. Теперь я оказалась меж двух огней. Я сердито смотрела на Мэдокса, но тот упрямо уставился на свою мать.

Персефона поджала свои полные губы, а взгляд ее светло-зеленых глаз с каждой секундой становился все более прожигающим. Она была облачена в зеленое платье, которое обтягивало ее грудную клетку, словно вторая кожа, и элегантно спадало вниз. Широкий разрез обнажал ее длинные золотисто-коричневые ноги, на которых, словно живые змеи, извивались плющ и цветы. Ее волосы, в которых цвели розы и фиалки, спадали на спину, словно блестящий шелк. С каждым ее элегантным шагом по комнате гулял летний ветерок. Она как дочь Деметры была богиней низкого ранга, но одного ее пронзительного взгляда было достаточно, чтобы дать мне понять – я не больше чем маленький ничтожный человечек в грязи ее ног. Ее присутствие освещало комнату и заполняло каждый угол салона. Когда она увидела своего любимого сына, который обнимал бастарда своего мужа, в комнате тут же стало на несколько градусов холоднее. Я незаметно выдохнула и увидела, как мое дыхание превратилось в облачко. Боже, Персефона провоцирует обморожение!

– Э-м... я думаю, тебе стоит отпустить меня, иначе мы скоро превратимся во фруктовый лед, – нерешительно прошептала я Мэдоксу.

– Да пошла она к черту! Ты моя сестра, – пробормотал он мне в ответ.

И все же мне не хотелось связываться с Персефоной в первый же день ее пребывания здесь, поэтому я решительно выскользнула из удушающей хватки Мэдокса и поправила свой капюшон. Мое лицо покрыли тени, когда я слегка поклонилась жене своего отца.

– Добро пожаловать, Персефона, приятно видеть тебя в Подземном мире снова! Как прошло твое лето?

Ее взгляд пронзил меня, словно меч, и будто с наслаждением провернул лезвие внутри меня.

– Ворриор! Я слышала, что тебя чуть не убили сегодня.

На ее губах появилась радостная улыбка. Ух ты, как мило, что она смеется, не так ли?

– Э-м... да. Так и было. У меня было неудачное столкновение кое с кем на 144-м этаже.

– Да, какая жалость! – сказала Персефона, прежде чем повернуться к Мэдоксу с гораздо более приятным выражением лица. – Сын, я должна забрать тебя на ужин. В свой первый день в этой адской дыре я просто обязана настоять на семейном застолье.

Мэдокс кивнул и смущенно улыбнулся, его плечи напряглись.

– Разумеется. Я очень рад, мама. Мы с Ворриор пойдем с тобой.

Персефона подняла одну бровь.

– Я сказала «семейный», Мэдокс, – мягко упрекнула его она.

– Именно так, – сухо ответил он. – Ворриор – тоже семья. Ну что, идем? Иначе наш старик будет чувствовать себя не в своей тарелке.

Персефона цокнула языком и выглядела так, словно в любой момент готова запретить своему сыну взять меня с собой. Как будто он маленький ребенок, которому не разрешают взять с собой за обеденный стол уродливую жабу. Но вызывающе сверкающие глаза ее сына, кажется, удерживали ее от этого. Несмотря на это, она окинула меня взглядом ядовитой змеи, и температура комнаты снова понизилась на несколько градусов.

– Не называй Аида стариком, Мэдокс. Ты должен называть его отцом, как примерный сын, – поучительным тоном сказала она, а затем развернулась на своих голых ногах и легко, словно кошка, скользнула через дверь. Мэд тем временем озорно усмехнулся и потащил меня из комнаты вслед за своей матерью. Я ненадолго задумалась о том, чтобы уцепиться за дверную раму и никуда не идти. Семейный ужин с остальными братьями и Персефоной был столь же приятным мероприятием, как введение заточенной бамбуковой палочки под ногти. К сожалению, Мэдокс предугадывал ход моих мыслей, поэтому все быстрее толкал меня в следующую комнату.

– Никто не называет Аида отцом, мама, – объяснил он Персефоне, которая медленно подняла бровь.

– Да что ты! Насколько я знаю, маленький выродок называет его отцом.

– А еще у меня есть имя, – проворчала я.

Оба моих спутника меня проигнорировали. Мэдокс кивнул, и его лицо изменилось.

– Это правда! Только у Ворриор хватает духу называть старика папочкой. Всем остальным он даже за попытку выдернет перья из крыльев. С момента моего первого и последнего раза у меня все еще осталась залысина на правом крыле.

Персефона сердито фыркнула. Ее шаги эхом отражались от стен. Я незаметно покинула линию огня. Почему Мэд такое говорит? Он что, хочет однажды найти меня задушенной плющом? Я с тревогой посмотрела на одну из роз в волосах Персефоны. Это мне так казалось или цветы правда странно на меня смотрели?

– Аид слишком мягок, когда речь идет об этой девочке. Я не понимаю, почему он предпочитает ее вам. Но от вывода Афродиты едва ли можно было ожидать чего-то иного. Ее дети всегда меня раздражали, но эта еще хуже, она как бомба замедленного действия!

– Вы же знаете, что я слышу каждое слово, не так ли? – спросила я, но меня снова проигнорировали, и только роза продолжала странно смотреть на меня сверху вниз. Я мрачно уставилась на нее в ответ.

Мэдокс сердито фыркнул:

– Завязывай уже, мама! Брайт и Хантер уже здесь?

– Разумеется, здесь. Лэкс и Рэйд тоже. Спэйд должен скоро прийти. – Она откинула свою темную копну волос назад и распахнула двери в столовую. Эта комната всегда напоминала мне странную смесь средневековой обеденного зала и места, где проходило чаепитие Алисы в Стране чудес. Длинный деревянный стол стоял в середине огромного и пустого зала, стены которого были выполнены из грубого камня. С пустого потолка свисала гигантская люстра, черно-белые плиточные полы напоминали шахматную доску, а в стене был камин, в котором можно было зажарить целого быка.

Я незаметно прошлась по комнате, чтобы сесть как можно дальше от Персефоны. Мэдокс, как и всегда, сел рядом со мной, скрестил руки на затылке и начал качаться на стуле. Аид уже сидел на своем обычном месте во главе стола. Богиня грациозно приземлилась справа от него и в знак приветствия погладила его по напряженным плечам. Его лицо все так же ничего не выражало. Фиолетовые глаза были обращены на его старшего сына Хантера, который рассказывал ему о последней погоне за потерянными душами где-то в Даунтауне. Брайт, который был вторым по старшинству в нашей семье, уютно устроился рядом с Хантером, упершись ногами в стол. Он играл с длинным кинжалом, лезвие которого блестело, когда он подкидывал его в воздух. Близнецы Лэкс и Рэйд сидели на другом конце стала, угрюмо уставившись в свои пустые тарелки.

– Почему у Рэйда розовые волосы? – удивленно спросила я у Мэдокса.

Он, хохоча, указал на Лэкса, чьи взъерошенные волосы светились отвратительным ядовито-зеленым цветом.

– Они проиграли спор! – сказал он слишком громко. Их головы тут же повернулись к нам.

– Потому что ты мухлевал! – прорычал Лэкс. Под его глазом красовался заживающий синяк зелено-синего цвета.

– Предатель! – прошипел Рэйд, нос которого выглядел так, словно он бился им об стену. Он так сильно вонзил вилку в обеденный стол, что та, шатаясь, осталась на месте.

– Да что ты говоришь! – сказал Мэдокс, поднимая бровь. – Что я могу поделаться с тем, что вы организуете нелегальные битвы василисков при помощи чернокнижника?

– Битвы василисков?

– Один из василисков на середине боя превратился в курицу! – сердито выплюнул Лэкс. Мэдокс невинно округлил глаза.

– В наши дни нельзя полагаться на черный рынок. Думаешь, что покупаешь кровожадного василиска для своих любимых братьев, а вместо этого получаешь подбитую курицу. Но не переживай, я накатаю им сочную жалобу.

Я тут же засмеялась.

– Можешь рассказывать эту ерунду кому-нибудь другому, Мэдокс, ты нас обманул! Мы хотим вернуть деньги! – Рэйд выглядел так, словно в любое мгновение был готов разбить нос своему младшему брату, но двери открылись, и последний из сыновей Аида, Спэйд, вошел в комнату. Одежда его была грязной, правую щеку рассекал длинный шрам. Черты его лица были жесткими и острыми, а светлые волосы слишком длинными: они неконтролируемыми волнами падали ему на плечи. Все взгляды тут же устремились в сторону молодого аваддонца, который вытер свои грязные сапоги о дорогой персидский ковер у двери. Аид мрачно посмотрел на него, но ничего не сказал, и Спэйд, улыбаясь, упал на стул рядом со мной.

– Только посмотри, кто тут! Выродок снова с нами. Я слышал, что ты по уши в дерьме!

Я со скучающим видом подперла подбородок рукой и окинула его равнодушным взглядом.

– Ой, Спэйд, ты выглядишь грязным. Ты что, снова проводил время в публичных домах на 60-м этаже? – сладко спросила я.

Он по-волчьи мне улыбнулся.

– Нет, представь себе! В этот раз я решил испробовать публичные дома на 114-м этаже. Вампиры умеют делать такие сумасшедшие вещи! Кажется, тебе там тоже было весело. У меня был очень интересный разговор с одним из местных вампиров. Его зовут Ровен, и он сказал, что ты достаточно долго играла с ним в догонялки, пока церберы тебя не нашли. Весь Подземный мир только это и обсуждает! – Его резкий смех заполнил комнату, заставив Аида поднять взгляд. Темный туман закапал на пол, и Персефона сморщила нос от отвращения.

– Ворриор, о чем он говорит? Какой еще вампир? – прогремел голос бога смерти, заставив меня содрогнуться от страха.

– Придурок! – сердито прошипела я Спэиду. Он тихо засмеялся.

Скрипя зубами, я посмотрела на Аида и смущенно ответила ему:

– Ничего особенного, папочка. Просто вампир ненадолго взял мой след, но я без труда оторвалась от него.

– С помощью дерзкого прыжка в мусорный бак, – весело добавил Спэйд, из-за чего остальные мои братья громко засмеялись. Я сердито пнула его в голень и получила в ответ еще более сильный пинок. Откуда Спэйд об этом знал? Я поморщилась, беззвучно ругаясь. В то же мгновение кулак Мэдокса приземлился на щеке Спэйда. Его светлая голова откинулась назад.

– Оставь ее в покое!

Спэйд, оскалив зубы, вытер кровь с нижней губы.

– Ты что, устал от жизни, Мэдокс? – прорычал он. Его глаза засветились красным. Вампирское наследие его матери, кажется, проявлялось в нем сегодня сильнее, чем обычно. На мгновение мне показалось, что я ощутила слабый запах крови в его дыхании.

– Хватит ссориться, мои милые, – прервала Персефона Спэйда и Мэдокса, и оба, толкаясь, вернулись за обеденный стол. – Можете подраться позже, а сейчас мы едим. Ворриор, я поговорила с твоим отцом. Мы сошлись во мнении, что ты не заслужила десерта своим плохим поведением, – прошептала богиня.

Спэйд фыркнул, а я поджала губы. Снова никакого десерта? Кажется, Персефона, помимо случайных пыток, также считала изъятие сладостей отличным методом воспитания. К сожалению, ей действительно удавалось расстраивать меня: я любила сладкое, и богиня отлично это знала.

Она с улыбкой хлопнула в ладоши, тем самым подозвав прислугу. Дворецкий, в данном случае призрак из восемнадцатого века, который служил отцу еще человеком, но не был освобожден от обязанностей после смерти, подавал еду на больших серебряных подносах. Тарелки Аида и Персефоны оставались пустыми. Вместо этого он принес им бокалы на длинных ножках, наполненные мерцающей красной жидкостью. Неопытный взгляд мог принять содержимое бокала за красное вино, но там находилась чистая амброзия. Единственная материя, которую боги могли употреблять внутрь, насколько я знаю. Никто из них не ел и не пил. Я даже не знала, спят ли они по ночам и ходят ли в туалет. Мы с Мэдоксом давно заключили пари по этому поводу.

– Пожалуйста, начинайте! – сказала Персефона с улыбкой. Моим братьям не нужно было повторять дважды: волки тут же набросились на пищу. Качая головой, я взяла несколько жареных картофелин и немного приготовленных овощей. Вегетарианцы в этой семье всегда были в пролете. Парни съели целого поросенка вместе с потрохами и глазом не моргнув, но кусочек брокколи пугал их больше, чем целая армия гулей. Я вяло ковырялась в своей еде и смотрела на Мэдокса, который поглощал свой слабопрожаренный стейк. С каждым кусочком с правого

уголка его губы капало немного крови. Запах гниения и мертвого мяса ударил мне в нос. Мне сразу же стало плохо, и я засунула в свой рот картофель, чтобы не задохнуться. Я начала быстро жевать, но через пару секунд остановилась и скривила лицо. Овощ был на вкус как пепел. Нахмурившись, я устала на свою тарелку и понюхала. Запах был абсолютно нормальным.

– Все в порядке, моя дорогая? – тихо спросила Персефона.

– Э-э... да, спасибо. Все хорошо. Вкус просто превосходный! – Я сунула в рот жареную морковь и чуть не выплюнула ее. Вкус был просто омерзительным, и я отчаянно пыталась проглотить кусочек. Я сморгнула несколько подступивших слез и улыбнулась своими набитыми щеками, из-за чего Персефона с отвращением покачала головой. Ну, она хотя бы перестала на меня пялиться. Вздвигнув, я проглотила содержимое и окинула тарелку подозрительным взглядом. Что же случилось с этой едой? Я с отвращением перебирала ужасную пищу и смотрела на Аида, который с наслаждением пил свою амброзию. Консистенция была очень плотной, а запах – очень сильным. Честно говоря, для меня она всегда немного воняла, но теперь ее запах показался мне приятно-сладким и немного похожим на мед. Я зачарованно наблюдала за тем, как боги пьют свою амброзию. Аид задумчиво улыбнулся своей жене и сделал глубокий вдох.

– Кстати, милая моя, сегодня ты просто потрясающе пахнешь розами, весь дом ими пропах. Это так опьяняет!

Богиня улыбнулась, но немного растерялась. Бокал остановился на пути к ее рту.

– Что, прости?

– Твой запах! – терпеливо объяснил ей Аид. – Опьяняет. Такого я уже несколько сотен лет не чувствовал.

Персефона раздраженно улыбнулась:

– Спасибо тебе за комплимент, мой дорогой, но сегодня я не наносила розовые духи.

Аид нахмурился в замешательстве:

– Но что?..

Спэйд рядом со мной раздраженно хмыкнул и вытер свои жирные пальцы о штаны.

– Это маленький выродок рядом со мной. Она воняет, как целый цветочный сад. Во всем Подземье стоит этот запах, даже объявили вознаграждение за голову держателя этого аромата. Вампиры сходят с ума.

От ужаса я подавилась брокколи и закашлялась. Выражения лиц богов вдруг переменялись. Мои братья перестали есть и устали на меня. Вот дерьмо.



Глава 5

Они были могущественными, бессмертными, скучающими, а еще у них было слишком много свободного времени

– Ты должна вернуться в мир людей. Я уже рассказал обо всем твоей матери. Она знает, что делать. Тебе ни в коем случае нельзя оставаться здесь! – Аид ходил взад-вперед по салону. Его лицо застыло в ужасе, как холодная маска. С каждым сердитым шагом темные облака окутывали его ноги. Персефона уселась на красно-золотой диван и с удовольствием пила амброзию. Это был уже пятый бокал.

– Только не преувеличивай, милый! Не такой уж это и опьяняющий запах. Почти воняет...

– Не позорься, Персефона! Я уже тысячу лет не чувствовал такого аромата, и если вампиры ею интересуются, то теперь здесь недостаточно безопасно для нее! – Аид яростно покачал головой: – Нет! Афродита знает, что делать. А пока тебе больше нельзя спускаться в Подземный мир, поняла меня, Ворриор?

– Хорошо, папочка, – жалобно пробормотала я.

Мне нельзя находиться в Подземном мире ради моей же безопасности? Без проблем. Но, к несчастью, это разлучит нас с Мэдоксом. После признания Спэйда «вампиры Подземного мира охотятся за пахнущей цветами задницей Ворриор» и неизбежно последующего за этим нервного срыва моего отца Мэдокс встал позади меня и мрачно смотрел на всех, кто слишком близко ко мне подходил.

– И что теперь? – фыркнул он, скрестив руки на груди. Его крылья взволнованно шуршали. – Что страшного в том, что она пахнет цветами? Это никому не вредит. У матери вообще целый сад на голове.

Аид окинул своего сына уничтожающим взглядом:

– Не притворяйся более глупым, чем ты есть, сынок. Если даже ее запах кажется существам привлекательным, мы должны изолировать ее от жителей Подземного мира. Она может все превратить в хаос! В ней таится гораздо больше разрушительной силы, чем признают олимпийские идиоты. Но Афродита наверняка знает больше. Она не потерпит, если кто-то из ее детей затмит ее.

Персефона фыркнула, и ее зеленые глаза округлились.

– Хватит преувеличивать, Аид. Эта девочка – всего лишь человек! – Она выглядела бесконечно раздраженной и, казалось, не могла прекратить потирать свой нос, словно что-то воняло.

Аид уставился на меня своими ярко-фиолетовыми глазами. Я беспокойно ерзала на месте.

– Может, она и человек... – опасно тихо сказал он. – Но возможно, и нет! Я назначу тебе встречу с врачом в Олимпе.

– Ты думаешь, что... что я больна? – беспокойно спросила я, когда Аид упал в свое кресло. Его крылья обмякли.

– Я не знаю, дитя мое. Поживем – увидим. А до тех пор держись подальше от Подземелья. Я не позволю тебе совершить еще какую-нибудь глупость. А теперь иди! Я больше не хочу тебя видеть!

В моем горле образовался ком.

– Хорошо. До свидания, папочка. Доброй ночи, Персефона. – Я быстро покинула комнату и направилась к выходу. Теплая рука остановила меня прямо перед большими двойными дверями.

– Эй, принцесса, подожди. Все в порядке?

Вздыхая, я посмотрела на Мэдкса, который беспокойно меня изучал.

– Конечно, Мэд. Ничего, что меня вышвыривают из этой адской дыры, но... Я буду скучать по тебе. Наверху ужасно скучно, а по сравнению с человеческими школами тиски Сократа покажутся сущей ерундой, – вяло пошутила я. Так как меня не хотели принимать в школу ни в Олимпе, ни в Аваддоне, я была, пожалуй, единственным ребенком богов, ходившим в обычную человеческую школу. Прошлым летом я кое-как ее закончила, а сейчас потела над вступительными экзаменами для университета, в который совершенно не хотела идти. Но мне же нужно было что-то делать, не так ли?

Мэдкс округлил глаза и одобрительно свистнул.

– Ух, девочка, ты, наверное, единственная, кого могут вышвырнуть даже из ада.

Я ударила его в плечо. Сильно.

Он засмеялся и сделал вид, что ему больно, а затем с любовью мне улыбнулся.

– Теперь серьезно. Наверху что, действительно так скучно? Я всегда думал, что в человеческих школах есть горячие болельщицы в коротких юбках и постоянно происходят дикие вечеринки.

Я поморщила нос:

– Это и есть самое худшее!

Он нахально улыбнулся:

– Не волнуйся, принцесса. Я придумаю что-нибудь, чтобы подбодрить тебя. А теперь иди. Старик выглядит так, будто вот-вот умрет от сердечного приступа. – Он, улыбаясь, прижал меня к своей теплой груди и поцеловал в макушку.

После этого я вышла на улицу и вдохнула прохладный ночной воздух Аваддона. Широкие ступеньки вели меня прочь от поместья, а на дороге меня ждал лимузин. Харон, перевозчик Подземного мира, на протяжении многих сотен лет перевозил души по Стиксу в потусторонний мир. До тех пор, пока Аид не решил начать новую эпоху: он перенаправил реку, а на ее месте построил четырехполосную автомагистраль. Харон, который был удивительно прагматичным для бога, быстро приспособился к этому и с тех пор ездил на шикарном лимузине вместо своей дырявой галеры. Мне он нравился. Он был немного молчалив, но всегда дружелюбен.

Харон улыбнулся, увидев меня, и вежливо мне поклонился. Божественный перевозчик был очень высоким и худым. Его череп обтянула серая кожа, никогда не видевшая солнца. Глаза были глубоко посажены в глазницах. Он никогда не моргал. На его лысом черепе красовалась старомодная фуражка шофера. Он был одет в темный пиджак, а с его тощей шеи свисал подходящий к нему галстук.

– Добрый вечер, Харон, – отсутствующим тоном поприветствовала его я и вздохнула, опускаясь на мягкие кожаные сиденья лимузина. Салон пах кожей, сигаретами и сладкой амброзией, которую мой отец хранил в маленьком холодильнике под разделительной перегородкой лимузина. Харон закрыл дверь за мной, сел на водительское сиденье и завел машину. Мы медленно двинулись, оставляя позади великолепное поместье моего отца. Старые ржавые фонари освещали длинную дорожку из гравия, а болезненного вида черные деревья с белоснежными листьями прятали дом от остального Подземного мира. Между стволами деревьев сверкали ярко-красные глаза церберов, которые нарезали круги вокруг поместья. Только Аид знал, какие еще жуткие существа, помимо них, болтаются в лесу. Время от времени можно было услышать крики, которые прерывались мокрым бульканьем, а за этим следовало громкое чавканье.

Черный лимузин абсолютно бесшумно проехал через широкие кованые ворота, беспрепятственно пропустившие машину вперед. Она плавно катилась по улице и ускорялась так, что вид за стеклом расплывался в бесформенные кляксы. Здесь и там было видно несколько небоскребов, в которых находились экономические предприятия Подземного мира. Аид зарабатывал много денег, продавая сырье вроде благородных газов и редкого природного топлива. Кроме поставок оружия в Северную и Южную Америку, Германию и Россию, торговли акциями и подставными компаниями, он зарабатывал деньги развитием сетевых фастфуд-кафе в человеческом мире. Соединенные Штаты и ОАЭ за последние сто лет стали просто зависимы от Аваддона и его ресурсов.

Я устало прислонилась головой к холодному оконному стеклу и наблюдала за тем, как Харон умело пробирается сквозь адское движение. Яркие огни рекламных щитов шампуня и «Макдоналдса», который, к слову, тоже был компанией моего отца, пронеслись мимо меня. Небоскребы из железа, стали и стекла переплетались между собой. Аваддонцы заполонили улицы, так что светофорам приходилось регулировать перегруженный трафик. Мы медленно приближались к широкому тоннелю на другом конце города, на серых каменных стенах которого висел зеленый знак с надписью «ВЫХОД». Тусклое освещение тоннеля проникло внутрь лимузина, когда Харон замедлился и остановился перед одним из таможенных постов. Красные светящиеся шлагбаумы препятствовали дальнейшему проезду, поэтому перед ними уже сформировалась немаленькая очередь из ожидающих машин и такси. Харон раздраженно барабанил своими костлявыми пальцами по кожаному рулю, когда мы медленно ползли вперед. Стекло со стороны водителя опустилось вниз, когда мы остановились рядом с постом, и из маленького окошка высунулась жующая жвачку фурия.

– С вас 8.50, – пробормотала она, и розовый пузырь из жевательной резинки лопнул. Харон раздраженно вытащил документ из своего нагрудного кармана и сунул его ей под нос. Она со скучающим видом изучила бумажку. Узкая бровь приподнялась.

– Ага, вы лично от босса. И куда едете? Можете передать боссу, что мы здесь ждем повышения зарплаты. Союз уже запланировал забастовку.

В ответ Харон лишь стиснул зубы. Как я уже сказала, он был молчаливым парнем.

– Я же просто сказала! – ответила фурия, закатывая глаза и взрывая еще один пузырь из жвачки.

– Просто пустите нас в Лондон, пожалуйста! – огрызнулась я.

– Не волнуйся, девочка, – ответила она, и таможенные шлагбаумы открылись.

Харон тут же надавил на газ, а я моментально вжалась в сиденье. Тоннель увеличился, становясь четырехполосным автобаном, и мы ехали по аду в направлении Великобритании, окруженные сотнями других машин. Мне время от времени казалось, что я вижу на себе мрачный взгляд Харона, но всякий раз, когда я поднимала глаза, он сосредоточенно смотрел на дорогу. Он был еще молчаливее, чем обычно, поэтому я направила взгляд на улицу. Дорожные знаки указывали на самые разнообразные разветвления широкого тоннеля, обозначали континенты и города, находившиеся там. Поездка в Лондон, к счастью, длилась недолго. Спустя всего несколько километров Харон включил поворотник и направил лимузин в один из тоннелей. Когда мы проехали невидимый барьер, отделявший Аваддон от человеческого мира, по моей спине пробежала дрожь. Дорога становилась все уже, огни были все более тусклыми, и ад остался позади. Мы остановились перед горевшим красным светофором в дождливом Лондоне. Капли дождя стучали по стеклу, на улице уже было темно. Посмотрев на часы, я поняла, что была уже почти полночь.

Мы быстро двигались вперед и уже через пару минут оказались у съезда к большому дому недалеко от Гайд-парка. Когда я вздохнула и открыла дверь, меня ударило потоком холодного ветра. Дождь беспрепятственно стучал по моему лицу, пока Харон бесшумно ни появился рядом со мной и ни открыл зонтик над нами. Я нерешительно устала на большой таунхаус,

в окнах которого, несмотря на поздний час, все еще был включен свет. Живот скрутило от волнения, но я все же хлопнула дверью машины и прошла к двери в сопровождении Харона. Широкая белая мраморная лестница вела наверх. Входная дверь была сделана из цельного стекла и античного дерева. Я любила шутить, что вход в Тартар, должно быть, выглядел куда дружелюбнее. Весь этот дом источал холодную неприязнь. Возможно, именно поэтому люди никогда здесь не оставались, хотя дом и стоял посреди Лондона. Вышеупомянутая страшная дверь открылась еще до того, как у меня появилась возможность нажать на звонок или убежать оттуда. Я даже не успела решить, что из этого хочу сделать. Очевидно, этот выбор был сделан за меня. На улицу хлынул поток теплого воздуха. София, олимпийская горничная моей матери, стояла в дверях и снисходительно смотрела на меня. Харона она поприветствовала лишь сморщенным от отвращения носом. Достаточно нагло, если знаешь, что Харон – бог, а она всего лишь муза, но ему, по всей видимости, было совершенно наплевать. Он не слишком много думал о себе, что делало его еще более приятной личностью в моих глазах.

– Мисс Пандемос, ваша богиня-мать уже ожидает вас в гостиной, – гнусавым голосом сказала София, с брезгливостью глядя на торчащие кости Харона. Тот сжал тонкие губы в узкую линию, в его темных глазницах загорелся опасный свет. Было сложно не заметить неприязнь, которую чувствовали друг к другу олимпийцы и аваддонцы.

– Спасибо, Харон, увидимся на следующей неделе, – быстро сказала я, благодарно улыбаясь богу. Я уважительно склонила голову и последовала в теплый дом вслед за горничной. Харон молча стоял у двери, а дождь тихо сбегал по ткани его зонтика.

– Передайте, пожалуйста, моему отцу, что я добралась до дома и... и что мне жаль, – попросила его я. Он молча кивнул. Я как раз собиралась закрыть дверь, как вдруг тонкие пальцы Харона прикоснулись к моим, задержав меня. Я остановилась в изумлении и посмотрела на глубокие борозды, проходившие по лицу бога. Они чем-то напоминали морщины.

– Пожалуйста, не стыдитесь того, кто вы есть, – прошептал он сквозь дверную щель. Его голос был темным и хриплым, будто его голосовые связки потеряли на терке.

– Что, простите? – Я округлила глаза.

– Не стыдитесь. С вами все в порядке. Вы хорошая девушка. Мне всегда было приятно вас сопровождать.

– Я... благодарю вас, Харон. Я тоже всегда рада поездкам с вами, – заикаясь, произнесла я. Перевозчик только что сказал мне больше, чем когда-либо. Он уставился на меня с легкой грустью. У меня было чувство, что я не поняла всей глубины его слов.

Харон открыл рот, но гнусавый голос Софии его прервал:

– Пожалуйста, закройте двери, мисс Пандемос. Тут сквозняк.

Я повернула голову. Девушка стояла в холле со скрещенными на груди руками и бесстыдно подслушивала наш разговор.

– Да, секунду. – Я закатила глаза и снова повернулась к Харону, но автомобиль уже исчез за ближайшим углом. Я смотрела вслед красным фарам, пока сама не замерзла, и, вздрогнув, закрыла дверь.

– Не обязательно быть с ним такой грубой, София. Он бог, а не насекомое, – сказала я горничной, стуча зубами.

– Он аваддонец, – кратко ответила София.

– Какие же вы все чудные, – тихо зарычала я, проходя мимо нее. Взаимная неприязнь олимпийцев и аваддонцев всегда была для меня загадкой. Холодная война между двумя народами длилась с тех пор, как Зевс вышвырнул своего брата Аида с Олимпа, а тот стал управлять Подземным миром. Вражда между двумя братьями, словно жуткая рана, не затягивалась последние четыре тысячи лет. Как по мне, у богов просто не все дома. Они были могущественными, бессмертными, скучающими, а еще у них было слишком много свободного времени. К

сожалению, именно такая богиня, скрестив ноги и нахмутив лицо, сидела в ярко освещенной гостиной и ждала меня. Я робко стояла на пороге и искала возможные пути побега.

– Мама! Ворриор пришла! – мгновенно завизжала моя сестра Опал.

Голова Афродиты тут же повернулась в мою сторону. Ярко-голубые глаза окинули меня оценивающим взглядом. Едва скрываемая неприязнь, отразившаяся на идеальных чертах ее лица, показала, как плохо она контролировала свои эмоции в данный момент. Волосы на моей шее встали дыбом, и мне пришлось проглотить порыв жалобного хныканья, подступившего к горлу.

– Не хочешь зайти, дитя? – спросила богиня убийственно спокойным голосом. Ее большие кошачьи глаза следили за каждым моим движением.

– Да! Заходи, Ворриор, мы ждем тебя, – дружелюбно пропела Даймонд, постучав по свободному месту на белом диване рядом с собой.

Как всегда, она выглядела просто потрясающе. У Даймонд были светлые волосы, серебристым каскадом спадавшие по ее спине. Большие глаза ледяного голубого цвета смотрели на меня, закутанную с головы до ног. Как и все мои сестры, она была стройной и изящной. Ее лицо было воплощением сияющей красоты, заставляющей любого мужчину сдаться. Единственным ее недостатком были слишком тонкие губы, которые она мастерски увеличивала с помощью макияжа. Фактически у каждого ребенка Афродиты был небольшой недостаток, который придавал сверхъестественной красоте немного человечности. Если губы Даймонд были узкими и бледными, у Руби были проблемы с немного длинноватым носом. Опал, чья фарфоровая красота была обрамлена волосами цвета эбенового дерева, в свои двадцать четыре года была плоской, как доска; кроме того, ей было не суждено перешагнуть отметку 150 см в высоту.

– Привет, мама, все в порядке? – робко спросила я у богини, понимая, как ужасно неуместно выгляжу рядом со своей семьей.

Афродита цокнула языком и указала на место рядом с Даймонд. Я нерешительно села на мягкую обивку, которая оказалась удручающе холодной. Напряжение в комнате можно было почувствовать физически. Афродита изящно наклонилась вперед и посмотрела на меня холодным отсутствующим взглядом. Я беспокойно опустила капюшон ниже на лицо.

Смотреть на мать, как правило, было достаточно странно. Каждые несколько секунд черты ее лица изменялись. Только что передо мной сидела миниатюрная азиатка с черными волосами и экзотическими темными глазами, но теперь она превратилась в высокую красотку со светлыми прядями и взглядом цвета стали. Одно лицо было красивее другого. Десятки женских лиц с зелеными, голубыми, серыми и карими глазами смотрели на меня. Подбородок был то острым, то сердцевидным, то узким, то задорным с ямочкой посередине. Скулы из острых и выступающих превращались в мягкие контуры, подчеркиваемые десятками разных цветов кожи.

– Ты не могла бы, пожалуйста, остановиться на одном облике? У меня от этих изменений голова болит! – прервала я напряженную тишину комнаты. Мои сестры весело фыркнули, а богиня с вызовом подняла бровь. Никто никогда не видел истинного лица любви. Никто не знал, как она на самом деле выглядела под всем этим совершенством и концентрированной магией.

– Что мне делать с тобой, Ворриор? – спросила богиня, и холод в ее голосе, словно острие ножа, разрезал спертый воздух.

Я приготовилась к ее гневу, который повис над моей головой, словно грозовое облако.

– Можешь ли ты представить себе, – продолжила богиня, вцепившись своими накрашенными красным лаком ногтями в кожу своего кресла, – насколько унижительным для меня был факт того, что Зевс лично вышвырнул меня с Олимпа, потому что моя собственная дочь – моя дочь! – снова привлекла к себе внимание своим неподобающим поведением?

– Я... я... мне правда очень жаль, я же не специально, – запинаясь я, желая снова вернуться в ад. Что такого рассказал ей Аид, что она была так зла на меня? И откуда Зевс узнал обо всем?

Афродита затряслась:

– Ну уж нет, Ворриор, в этот раз ты так легко не отделаешься. Последние несколько лет я надеялась, что ты научишься уважать богов. Две тысячи лет назад я бы позволила кентаврам разорвать тебя на кусочки за такое унижение! Ты превратилась в авааддонку, а олимпийкой ты больше быть не в состоянии. Твоя кровь загрязнена! Я должна была это знать. В мгновение, когда ты родилась, от тебя воняло чем-то совершенно иным! Надо было бросить тебя людям и позволить им воспитывать тебя, как посоветовал мне Зевс. Но нет! Я оставила тебя себе! Подарила тебе жизнь ребенка богов, и как ты меня за это благодаришь? Я стала посмешищем для всего Олимпа! – Лицо любви превратилось в гневную гримасу, но она все еще выглядела потрясающе красивой. Сердитый, фыркающий ангел. – Ты добровольно расскажешь мне о том, что ты сегодня натворила? Или мне придется заставить тебя?

Дрожа, я открыла рот. Ее слова ударили меня, словно пощечина. Я тяжело сглотнула. Краем глаза я видела, как мои сестры с любопытством ждали моего нервного срыва. И только Даймонд с обеспокоенным выражением лица беззвучно сказала «расскажи ей».

Я снова посмотрела на Афродиту.

– Я не сделала ничего плохого, – услышала я свой собственный голос. Звучало упрямо.

Во мне зарождалось горящее желание неповиновения. Отлично! Моя мать меня стыдилась? Считала меня выродком, как и все остальные? Тогда я не сделаю ей одолжение и не стану молить о прощении. Я не сделала ничего плохого... в теории.

Я строптиво поджала губы.

– Ой, правда? – с напускным спокойствием спросила богиня. Ее глаза странно сверкнули. – Значит, то, что Зевс вышвырнул меня с Олимпа, чтобы я встретила со своей непослушной дочерью, – это ерунда?

Я испуганно прищурилась и инстинктивно пригнулась, когда сосредоточенная сила богини схватила меня и, словно кулаком, ударила в живот. Я ахнула и почувствовала, как из моих глаз текут слезы.

– Это твой последний шанс добровольно рассказать мне о том, что сегодня произошло, Ворриор! – предупредила меня Афродита. Ее могущественный голос практически сорвал слова с моих уст. Мне нужно рассказать ей: признаться в том, что я забыла свое разрешение, пропустила встречу с врачом и случайно стала виновна в смерти одного из церберов. Кроме того, я так сильно пахла цветами, что половина вампиров Подземного мира охотится на меня, и поэтому мне нельзя было возвращаться в Авааддон. Я должна была признаться ей, получить свое наказание и исчезнуть в своей комнате. Я обязана рассказать... Но я много чего должна, однако делать этого, конечно, не буду.

– Ну, как хочешь! – огрызнулась Афродита. Магия заполнила комнату, растоптав мое тщательно выстроенное самообладание так же легко, как горячий нож режет масло. Богиня любви неумолимо приближалась ко мне, затем схватила меня за подбородок и грубой силой вошла в мой разум. Ее власть пронзила мой череп, словно раскаленная кочерга, и она начала копаться в моем мозгу. Я кричала от боли, ощущая сладкую кровь на языке, пока Афродита бродила по моим воспоминаниям. Я беспомощно извивалась в ее крепком захвате. Богиня с хирургической точностью разделяла произошедшие за последний час события в моей голове.

– Покажи мне, что ты снова натворила, Ворриор. Покажи, почему твой отец считает, что я должна запереть тебя в комнате сегодня же. Что ты от меня скрываешь?

– Мама, пожалуйста, нет! – В холодных светло-голубых глазах богини я видела свое собственное изображение. Свою бледную кожу под острыми красными ногтями. Я видела себя –

маленькую, слабую и ничтожную. Если Афродита хотела получить информацию, никто был не в силах ей помешать.

Никто не может лгать любви. Она жестко вытащила мои чувства. Этот нефильтранный поток эмоций заставил меня глотать воздух ртом и дрожать. Капюшон соскользнул с моей головы. Каскад золотистых волос упал на мою спину. Перед моими глазами прыгали черные пятна, во рту перемешались запах роз и сладкий привкус моей крови.

– Пожалуйста, мама! Прекрати! – задыхаясь, выдавила я.

К сожалению, богиня только начала свое наказание. Одно за другим она вытаскивала наружу мои воспоминания. Она украдала у меня все ненавистные мысли о братьях, все воспоминания о веселье с Сократом, все чувства привязанности к Мэдоксу. Страх и отвращение к аду всплывали в моей голове, как и чувство одиночества.

Мои солнцезащитные очки упали на пол. Я стояла перед ослепительно ярким лицом богини любви без всякой защиты. Из моих глаз текли слезы, боль в висках стала почти невыносимой. Голова пульсировала, стала большой и опухшей, из носа потекла кровь, рот наполнила теплая влага. Мне казалось, что богиня любви собирается вывернуть все мои уродливые внутренности наружу, чтобы от меня осталась лишь пустая оболочка.

Перед глазами все потемнело. У меня перехватило дыхание, сердце быстро билось от адреналина. Без всякого сочувствия богиня посмотрела на меня. В ее глазах не было ни капли человечности. Она убьет меня! Ко мне подступила паника, когда осознание этого пощечиной ударило меня. Моя мать убьет меня в таком состоянии мгновенно и безо всякого сожаления. В моменты вроде этого она была не моей матерью, а богиней. Если она хочет, она вытащит из меня последние мысли, пока мое сердце не остановится от напряжения. Я в панике попыталась поднять руку и ослабить ее хватку на своем подбородке, но даже дышать было тяжело. Я чувствовала, как мои воспоминания вытекают из моей головы. Чувствовала, как мозг растворяется в пустоте, пока перед моими глазами не появилось изображение, намного более четкое и ясное, чем все остальные. Афродита тоже его видела. Ее ногти испуганно разодрали кожу на моей щеке. Перед нами возник портрет красивого молодого человека с темно-синими волосами. На секунду я вдохнула запах озона, увидела маленькие молнии в его волосах. Его присутствие, пусть и было лишь воспоминанием, ошеломило меня так же сильно, как и несколько часов назад. Его окружала захватывающая дух аура могущества. Парень нахмурился. Его серые глаза были холоднее льда, и он, кажется, тоже наблюдал за нами.

– Боги милостивые! Он... – слышала я голос Афродиты словно в нескольких километрах от меня. Слова глубоко проникли в мой разум. В моей голове что-то зашевелилось. Его лицо исказилось в злой гримасе, а на его алебастровой коже сверкнули молнии.

– Отпусти ее! – зарычал юноша.

Его голос словно гром пронзил мой разум, и он задрожал, словно от удара молнией. Мы с Афродитой одновременно вскрикнули. Богиня любви убрала пальцы с моей кожи. Ее присутствие плотным потоком вытекло из моей головы. Я, задыхаясь, глотала ртом воздух. Перед моими глазами плясали темные пятна. Боль утихла, оставив после себя лишь учащенный пульс. Мои воспоминания беспорядочно путались между собой. Мне стало дурно, когда Афродита оттолкнула меня от себя. Ее глаза были круглыми от удивления, губы приоткрылись, она глубоко вдыхала и выдыхала.

Магия продолжала виться вокруг ее идеального тела гневными порывами, заставляя ее внешность меняться. Рядом с ней, в ужасе уставившись на нас, стояли мои сестры. Даймонд стала белее снега, Опал выглядела так, словно в любое мгновение с криком упадет в обморок. На гостиную опустилось гнетущее молчание.

– М-мама? – спросила я, сглатывая горьковато-сладкий вкус крови.

В глазах богини отразилось отчетливое желание убивать. Ее тело все еще дрожало, переключаясь с одной внешности на другую.

– Что ты сделала? Ты маленькая, паршивая... – начала она, как вдруг чья-то нежная рука легла ей на плечо.

– Мама, я думаю, Ворриор усвоила свой урок. Она пойдет в свою комнату и не покинет ее следующие несколько дней. Я тебе это обещаю! – смело улыбнулась Даймонд.

Богиня прищурилась. Тем не менее слова Даймонд и ее спокойный голос вернули ее на землю. Ее внешность перестала меняться так быстро. В моих ушах что-то шелкнуло, как будто выпускающая давление из моей головы. Воздух наконец мог снова беспрепятственно проникать в мои легкие.

– Мама, с тобой все в порядке? – спросила шокированная Руби.

Казалось, она не заметила предупреждающий взгляд, которым ее окинула Даймонд. Голова богини тут же повернулась к дочери. Ее волосы стали черными, как и ее глаза.

– Не смей меня, я же богиня! – прошипела она, и Руби отшатнулась, успокаивающе поднимая руки.

– Я... конечно, мама! – заикалась Руби, но Афродита, игнорируя ее, повернулась ко мне. От взгляда, который она на меня бросила, у меня чуть не случился заворот кишок.

– Ты больше никогда не выйдешь из этого дома, Ворриор! Ты пойдешь в свою комнату и останешься там. Ты будешь держаться подальше от всех выходов и окон этого дома, а еще я запрещаю тебе говорить с кем-либо. Я понятно выражаюсь?

Я кивнула, дрожа от страха.

– Я не выйду из своей комнаты, – хриплым голосом сказала я.

– И? – спросила богиня обманчиво мягким тоном.

– Я ни с кем не буду обсуждать сегодняшний день.

– Именно так. Твой отец был достаточно любезен, чтобы послать нам несколько церберов, чтобы все оставалось как есть.

Ее улыбка могла заставить любого адского пса бежать без оглядки. По моей спине пробежали мурашки.

– Даймонд, позаботься о ней! – сказала Афродита моей сестре. Та молча кивнула и опустила глаза.

– Замечательно, а теперь я вернусь на Олимп. – Сморщив нос, она стряхнула воображаемую пыль со своей одежды. По комнате распространился запах жженого сахара, и богиня исчезла во вспышке света.

Ошеломленная, я сидела на диване, чувствуя, как горячие слезы текут по моим щекам. Теплая кровь склеила мой нос и несколько прядей волос, которые выскользнули из-под капюшона.

– Ну хватит, Ворриор! Прекращай плакать, вытри с лица эти отвратительные сопли и прикройся. Выглядишь ужасно.

Резкое замечание Даймонд прервало мое шокированное состояние. Когда я посмотрела на нее, она протянула мне носовой платок.

– Спасибо, – выдохнула я, натянув капюшон и прижав платок к лицу.

– Ее практически расчленили, – захихикала Опал, бросив на меня жалостливый взгляд. – Это просто позор.

– Заткнись, – огрызнулась в ее сторону Даймонд, строго глядя на меня. – Вставай и иди в кровать, Ворриор, и смой с себя эту кровь.

– А кровь ли это вообще? – спросила Руби, поморщив нос, когда я встала с диван, едва передвигая непослушными конечностями.

– Разумеется, это кровь, – слабо пробормотала я, морщась от резкого звука своего собственного голоса.

– А с каких пор она серебряная? – упрямо спросила Руби, заставляя меня изумленно взглянуть на носовой платок.

– Это... – Слова застряли у меня в горле.

– Это похоже на ртуть, – удивилась Даймонд, наклоняясь ко мне. – Дай посмотреть!

– Что? Нет! – Я испуганно вздрогнула от ее любопытного прикосновения и смяла платок.

– Ворриор! – предостерегла меня Даймонд, строго глядя на меня своими кристально-голубыми глазами. – Если с тобой что-то не так, мы должны как можно быстрее сообщить об этом на Олимп.

– Ты что, с ума сошла? Мать меня убьет! Со мной все в порядке!

– Но если...

– Никаких «если»! – Наши ядовитые взгляды встретились. – Ничего не случилось! И если вам хоть немного меня жаль, позвольте мне, пожалуйста, уйти спать! Сегодняшний день был не очень приятным.

Даймонд нерешительно поджала губы, пронзив меня очередным ледяным взглядом. Даже стоять на ногах мне стоило невероятных усилий. Мои силы быстро покидали меня. День казался мне просто бесконечно долгим.

Наконец светловолосая красавица кивнула, а черты ее лица приобрели неожиданно мягкое выражение.

– Хорошо, Ворриор. Иди наверх. Но прислушайся к Афродите. Не выходи из комнаты, иначе я не смогу тебя защитить.

– Я не буду выходить, – пробормотала я, оставляя трех девушек стоять в гостиной, и ступила по мраморному холлу.

Изогнутая лестница вела к спальням. Дом моей матери, как и дом Аида, был свидетелем десятков прошедших столетий. Он был построен на рубеже веков и с тех пор лишь изредка оснащался плодами новейших технологий. Высокие стены были украшены штукатуркой кремового цвета. Повсюду на стенах висели картины, изображающие богиню любви. Предметы искусства давно ушедшей эпохи представляли мою мать в самых разных ипостасях и с самыми разными лицами. На ее губах всегда была соблазнительная улыбка. Ни одна из этих картин не показывала, насколько опасной любовь была на самом деле. Несколько минут, что я шла из гостиной в свою комнату, были словно посещение музея. Каждый мой мучительный шаг длился бесконечно долго, и я цеплялась за перила из черного дерева. Я буду еще несколько дней страдать от последствий неожиданно сильного гнева моей матери, не говоря уже о моем столкновении с цербером сегодня днем.

Быть ребенком богов не очень-то легко. Но быть ребенком любви и смерти – просто отвратительно. Даже без моего недостатка. Самые красивые и могущественные дети могут хотя бы надеяться, что их возьмут на Олимп, где они смогут быть слугами или фаворитами богов. Менее удачливые из нас должны радоваться жизни в вечной тени гламурного мира и искать свое счастье в мире смертных или в Подземном мире. Уровень преступности среди детей богов был невероятно высок. Многие из них были членами мафии или занимались политическими вопросами в человеческих правительствах. Для меня все эти пути были закрыты. Олимп меня не принимал, а для мира смертных я представляла слишком большую опасность. По сути, мне оставался лишь Аваддон, но я даже не хотела думать о том, каким бы было мое будущее там. Мои глаза горели, и я ненадолго остановилась на месте. Возможно, мне стоило взять с собой Мэдокса и на несколько лет уйти в подполье. Я всегда хотела быть принцессой. Мэдокс, кстати, тоже. К сожалению, наши шансы стать теми, кем мы хотим, становились все меньше. Мы могли полететь на Бали и научиться погружаться под воду. Но нет, ведь я не могла носить купальник. Черт возьми. Я прикусила губу и продолжила идти наверх. Возможно, идея провести некоторое время в своей комнате была не так плоха. Я была просто ходячей катастрофой! Абсолютно вымотанная, я наконец оказалась в своем личном царстве. Я даже не удосужилась включить свет. Глаза все еще жгло, поэтому я сняла обувь и упала на кровать вниз лицом. Теперь я могла лишь молиться о том, чтобы заснуть быстро и не увидеть кошмаров.



Глава 6

Уж лучше бы мне снились леденцы и пукающие радугой единороги!

– Ты все испортил!

– Я знаю...

– Я не уверен, понимаешь ли ты серьезность ситуации, парень. Ты меня подвел! Ты попал в ужасную неприятность и чуть не предал всех нас.

– Еще раз: я знаю это, черт побери! – Голос был приглушенным и будто бы сдавленным. Несмотря на его бархатность, он был полон боли. Его звучание вызывало у меня мурашки.

Я в замешательстве захлопала глазами. Где, черт возьми, я была? Я только что лежала в своей уютной кровати, а теперь...

Я окинула свое окружение критичным взглядом. Комната с низким потолком, в которой сильно пахло дезинфицирующими средствами и искусственным лимоном. В каждом углу стояли операционные столы, на которых вперемешку лежали инструменты, которые я обычно видела в больницах. На полу был ужасный хаос из разбросанных бумажек и полупустых пробирок с неопределенным содержимым. Когда я с отвращением отодрала клейкую бумажку со своего правого ботинка, под моими ногами захрустели осколки.

– Ты хоть понимаешь, насколько сильно тебе повезло? С твоей тупостью зубы цербера должны были куда глубже впиться в твою задницу!

– Ай! Они торчат... ааа, в моей спи... Ай! Осторожно! Едва ли можно назвать часы пыток везением!

– Ты жив, значит, тебе повезло!

Меня одолело нехорошее предчувствие. Я снова нерешительно осмотрелась вокруг. Где я? То, что меня окружало, напоминало больницу, разрушенную торнадо, или же сумасшедшую лабораторию, в которой проводились эксперименты на людях. Повсюду сверкали мигающие зеленые светодиоды, плитка на стенах потрескалась. Я начала осознавать, что, должно быть, все это мне снится. Скептически рассмотрев большую колбу, в которой плавало что-то подозрительно похожее на мозги, я стояла неподвижно и пыталась вести себя как можно тише. Голоса ужасно меня пугали. Однако я не могла стоять здесь вечно, как дура, и ждать, пока меня заметят. Нужно было выяснить, откуда доносятся голоса. После этого я могу либо спрятаться, либо убежать прочь с паническим криком. Осколки стекол хрустели под моими ногами, когда я скользила вдоль стены. Большая ржавая полка преградила мне путь. Я осторожно выглянула за угол, но длинный локон выпал из моего капюшона и защекотал мою щеку. За полкой я увидела операционный стол, на котором лежал высокий и, что немаловажно, мускулистый человек, которого заслоняло другое, более узкое тело. Оба были освещены яркой операционной лампой, которая заставляла синие волосы мужчины, который скорчился от очевидной боли на голом стальном столе, сиять. Я испуганно затаила дыхание и уставилась на локоны, которые, несомненно, принадлежали моему почти убийце. Это был тот самый болван, который бросил меня в пасть псам в Аваддоне! Дерьмо! Что он делал в моем сне? Или, скорее, что я здесь делала? Уж лучше бы мне снились леденцы и пукающие радугой единороги!

Я продвигалась дальше вдоль полки и продолжала подслушивать их разговор.

– Ты хотя бы нашел ее? – спросил у моего новоиспеченного синеволосого врага худошавый мужчина. По всей видимости, он был доктором. Его пациент громко ругнулся, когда врач с чавкающим звуком вытащил что-то из его правого плеча.

– Нет, не нашел. Я был близок к этому, но потом появилась эта девушка и...

– Что? Ты всю нашу миссию закопал из-за какой-то девушки? Ты что, не в себе? – проворчал врач, ковыряясь длинными щипцами в плоти другого.

Худые пальцы синеволосого впились в край стола. На его напряженном от боли теле мерцали потрескивающие молнии. Доктор безжалостно щелкнул щипцами и вонзил их глубже. Я была очарована лицом своего почти убийцы. Его безупречная красота была нарушена синяками и ушибами, растянувшимися по всему телу. Нос был странно изогнут, а грудная клетка выглядела так, будто свора грязных кошек использовала его в качестве когтеточки. Каждый его ноготь был либо вырван, либо сломан. Он выглядел так, будто его пытали.

– Черт возьми! Это была непростая девушка, я недооценивал Аида, – прервал он мое зачарованное созерцание. – Собаки уже были у меня на хвосте. С большой вероятностью я все равно бы не смог завершить начатое. Но малышка набросилась на меня, как таран.

– Ты хоть убил ее? Она могла тебя узнать.

Мой враг презрительно фыркнул, что заставило меня сердито скрипеть зубами. Ублюдок. Его высокомерие уже действовало мне на нервы.

– Разумеется. Я же не идиот!

Что сказать, с последней частью я готова была поспорить.

– Мне было почти жаль ее. Малышка очень испугалась. Мне пришлось приложить некоторые усилия, чтобы убрать ее со своего пути. У нее был, черт подери, самый красивый голос из всех, что я когда-либо слышал!

– Только посмотрите! Большой и сильный Пиас Тантал действительно заинтересовался девушкой! – издевательски засмеялся врач.

Он ловко провел рукой по одной из зияющих на его спине дыр. Мой заклятый враг, которого, судя по всему, звали Пиас (что это, простите, за дерьмовое имя?!), издал звук, похожий на лающий рык. Его челюсти напряглись, а мокрая от пота прядь упала на лицо.

– Умершей девушкой! Цербер разорвал ее, но благодаря этому у меня хотя бы было время, чтобы... Скажи мне! Ты тоже чувствуешь этот запах?

– Запах? Какой еще запах?

– Здесь пахнет розами.

Ноздри Пиаса задрожали. Это было единственным предупреждением, которое я получила, прежде чем он, словно дикая кошка, ловко спрыгнул со стола. Кровь лилась во все стороны. Несколько капель приклеилось к полу в метре от меня. Когда я посмотрела вниз, у меня перехватило дыхание. Кровь была не красной, а... серебряной.

– Пиас, что ты делаешь?

Вопрос врача вырвал меня из оцепенения. Я быстро подняла взгляд и посмотрела в два ярких серебристо-серых глаза. С окровавленным торсом и искривленным от гнева лицом Пиас предстал передо мной словно гора мышц и силы. По всей комнате пронеслось рычание, от которого задрожали стены. Некоторые уже сломанные кусочки плитки упали на пол.

– Я чувствую твой запах. Я чувствую тебя! Покажись! – сказал он мне прямо в лицо.

Я закричала и отшатнулась назад. Мое сердце испуганно колотилось, я потеряла равновесие, споткнулась и упала. Но вместо громкого падения на пол я сломала его, и поверхность разбилась, будто стекло. Мимо моих ушей летели стеклянные осколки. Казалось, что время замедлилось. Будто сквозь завесу из липкого меда я видела, как падаю. Пиас стоял надо мной, и на мгновение наши взгляды встретились. Его глаза округлились: в серебристых зеркалах вспыхнуло осознание. Он с ревом дернулся вперед и вытянул руки так, словно хотел меня поймать. Время снова ускорило, его пальцы прикоснулись ко мне, но вместо них я почувствовала лишь дым. Я падала, падала в бездонную темноту, сопровождаемая запахом озона и льда.



Глава 7

Налоговый консультант убит наковальней! Боги отказывают в компенсации!

– О боги! – В холодном поту я открыла глаза и тут же выпала из кровати. Я ударилась о холодный пол и издала мучительный стон. С колотящимся сердцем и мокрыми от пота волосами я сбросила с себя тяжелые одеяла и быстро осмотрелась в темной комнате. Мне казалось, что в любое мгновение я могу почувствовать руку на своем воротнике, которая схватит меня и утащит обратно в безумную лабораторию. Я все еще чувствовала резкий запах дезинфицирующего средства и озона в своем носу. Рядом со мной стояла широкая двуспальная кровать с постельным бельем Hello Kitty – это был подарок Мэдокса на мой восемнадцатый день рождения. Справа от кровати стояла тумбочка с будильником Hello Kitty – это был подарок Мэдокса на Рождество. Мой шкаф был едва узнаваемой темной тенью на противоположной стороне комнаты. Мои книги, письменный стол, телевизор. Все было на своих местах. И никакой разрушенной лаборатории, никаких сумасшедших врачей и таких же безумных синеволосых убийц по имени Пиас.

Задыхаясь, я прислонилась лбом к прохладному полу. Мое лицо горело так, словно у меня была температура. По моему телу пульсировал адреналин. Я снова увидела лицо Пиаса перед собой. От воспоминаний о его теле, выглядевшем как мраморная скульптура, у меня перехватило дыхание. Особенно если забыть о том, что я до смерти перепугалась, когда он оказался передо мной, и о том, что он был высокомерным уродом. Чтобы узнать об этом, мне даже не пришлось знакомиться с ним ближе. Почему же тогда даже воспоминания о его чертовски совершенном теле и цвете холодных глаз заставляли мое тело трепетать? Мой желудок сжался. Со стоном я несколько раз ударилась головой об пол. Ай, было больно, но это явно не помогало. Разочарованная, я оставила попытки сделать вмятину в полу и громко фыркнула. Я пропала уже в тот момент, когда этот урод прижал меня к себе. Я однозначно считала этого синеволосого идиота весьма привлекательным. Господи! У меня что, психоз? Я явно была больной на голову. Он пытался меня убить! Даже во сне. И я все равно считала его притягательным.

– Дерьмо! – Со стоном я заползла обратно в кровать и опухшими глазами уставилась на будильник с Hello Kitty. Полвосьмого, то есть еще два часа до момента, когда я обычно вставала, ехала в библиотеку и готовилась к экзаменам в университет. К сожалению, я под домашним арестом, и поэтому у меня было слишком много времени и возможности думать об идеальных мышцах, синих волосах и серебристых глазах. Я сухо сглотнула ком в своей горле и встала с кровати. Мои пальцы ног приклеивались к полу, пока я раздвигала занавески в своей комнате. На небе сгущались тяжелые серые облака. Капли дождя забрызгивали стекло, а сильный ветер заставлял ставни трястись. Маленький парк вокруг нашего поместья казался очень мрачным. По облакам пронеслась вспышка молнии, за которой последовал яростный гром, заставивший стекло звенеть. По моей спине пробежала дрожь, и я зачарованно смотрела в небо. Большие пальцы моих ног тревожно цеплялись за пол. Воздух был почти горьким от озона. Зевс, судя по всему, сегодня пребывал в плохом расположении духа.

Я посмотрела вниз и увидела массивное тело цербера, который почти слился с тенями рассветного утра, и лишь красные глаза смотрели в мое окно. Значит, за мной действительно следят. Вздохнув, я задвинула занавески и упала на кровать. Одеяло было в поту, как и остальные мои вещи. Накануне я заснула, не раздеваясь. Я переворачивалась с одного бока на другой, сжимала подушку, пытаясь снова расслабиться, но мне это не удавалось. Моя голова была

переполнена мыслями о последних днях. Я будто неловко чувствовала себя в своей же коже: я ощущала зуд и покалывания, словно что-то пыталось вырваться изнутри. Вероятно, это было разочарование. Я сдула прядь волос с лица и стала кусать ногти. Я подумала и решила, что мои вещи были слишком отвратительными, чтобы продолжать в них находиться, поэтому я снова сбросила с себя одеяло, села на кровати и стянула с себя толстовку. Я быстро сняла все остальное и бросила вещи в бельевую корзину рядом со своей кроватью. Устало проведя рукой по опухшему лицу, я широко зевнула. За ночь очки оставили на моем лице след, и я принялась осторожно его растирать. Иногда мне казалось, что все мои слои бесформенной одежды перекрывают мне доступ к воздуху. И только в лифчике и трусах я чувствовала себя собой. Всех остальных мой вид свел бы с ума. В буквальном смысле.

Я тоскливо взяла пульт с тумбочки и включила телевизор. Если мне больше нечего было делать, я могла бы наверстать пропущенные серии «Ниндзя-Воина». Телевизор с успокаивающим гулом включился. Мои уши наполнились его лепетом, напряженные мышцы снова расслабились. Три передачи подряд я смотрела на спортсменов, которые бегали, прыгали, бились головами и падали в воду. После этого был повтор «Королевы шопинга», любимой передачи Мэдокса, а после нее – «Баффи – истребительница вампиров». Я любила этот сериал. Может быть, потому что Баффи немного напоминала мне меня. Вся ее темная судьба, от которой она не могла убежать. Кроме того, я была фанаткой Спайка. Его светлые волосы и вспыльчивый характер всегда казались мне привлекательными. Хотя темные волосы тоже ничего... или синие. Теперь мне кажется, что у Пиаса точно такой же сексуальный шрам на брови, как у Спайка. Я с ужасом задушила эту мысль на корню. Почему я вообще об этом думала? С пунцовыми щеками я выпрыгнула из кровати. На улице по-прежнему шел дождь, хотя я достаточно долго лежала в кровати. Судя по жадному урчанию моего живота, время обеда уже прошло. Я быстро надела брюки, носки и толстовку, а затем и перчатки. Даже если дома были только мои сестры и София, я не хотела идти на неоправданный риск и продемонстрировать слишком много обнаженной кожи. Я быстро отбросила волосы назад, надела капюшон и выбежала из комнаты. Телевизор я оставила включенным. Баффи как раз целовала ангела, не зная, что тем самым заберет у него душу. Прямо как у меня! Не знаю, что произойдет с парнем, который окажется моим первым кавалером. Явно ничего хорошего. Возможно, бедный парень сразу же сойдет с ума и попытается выцарапать глаза из своего черепа или у него отвалится пенис.

– О чем думаешь?

Я испуганно отпрыгнула в сторону и чуть не покатила по последним ступенькам в холл.

– Господи, Даймонд, как ты меня напугала!

– Ой, извини, ты казалась такой погруженной в свои мысли.

– Поэтому у тебя появилась прекрасная возможность спустить меня с лестницы.

Даймонд фыркнула:

– Не говори глупостей, Ворриор. Так я могла бы сломать себе ноготь. Оно бы того не стоило.

– Это меня успокаивает.

– Так что?

– Так что – что?

– О чем ты думала? – любопытно спросила моя сестра. Она последовала за мной на кухню без дальнейших вопросов. Это помещение было монстром из стали, хрома и высоких технологий. Я сомневалась в том, что мои сестры вообще умели готовить. Обычно все блюда в нашем доме делала София. От голода у меня скрутило живот. Я поморщилась от боли и открыла холодильник. Когда я сунула голову в двухметровое чудовище в поисках чего-нибудь съедобного, в мою сторону подул прохладный воздух.

– Да ни о чем важном, только о пенисах, – отсутствующим тоном поделилась я с Даймонд. Ух ты, это что, сэндвич?

– О чем? – Ужас в голосе Даймонд едва ли можно было не заметить. Она элегантно опустилась на барный стул, стоявший перед кухонным островком. Ее идеальные светлые брови поднялись.

– Я думала о том, что случится, если я поцелую парня.

Да! Это правда был сэндвич с... Я осторожно достала тарелку, развернула фольгу и понюхала. Пахло тунцом и майонезом. Неплохо. Довольная своей находкой, я достала колу с полки с напитками, а затем совсем не элегантно плюхнулась на стул рядом с Даймонд, положила одну ногу на другую и принялась вытряхивать углекислый газ из колы.

– Поняла. А что общего у поцелуев с пенисами?

Я осторожно открыла свою колу. Газ вышел с удовлетворительным шипением.

– Откуда этот внезапный интерес к моим странным мыслям?

Она небрежно пожала плечами:

– Ты же моя сестра. Почему это не должно меня интересовать?

– Хм, может быть, потому, что последние восемнадцать лет ты ни разу ничего не спрашивала?

Она окинула меня чудным взглядом. Выражение ее лица стало печальным.

– Это неправда, – прошептала она. – Я всегда интересовалась тем, как твои дела. Но тебе лучше оставаться невидимой, чем быть слишком заметной.

Я в замешательстве хлопала глазами. Что?

– Если вдруг тебя это обрадует, ты всегда была моей любимой сестрой. Остальных можно выбросить в мусорное ведро.

Даймонд засмеялась. Прекрасный звук, способный выманить птичек с их деревьев. Она резко откинула волосы за плечо.

– Ты не думала о том, что надо быть добрее к людям, чтобы они тебя любили?

Я поморщила нос:

– Ты хоть раз пыталась быть добрее с троллем? Ты слишком часто бываешь на Олимпе.

И снова этот грустный взгляд.

– А ты слишком часто бываешь в Аваддоне. Я так часто просила мать почаще брать тебя с собой на Олимп, но она отказывается. Мне очень жаль. – Она нахмурила свой идеальный лоб.

Ухмыляясь, я слегка толкнула ее плечом:

– Эй, не забивай себе голову. Я просто слишком много жалуясь. На самом деле мне нравится внизу. Я люблю Мэдокса, а что касается Аида, все могло быть хуже. Для того чтобы обучаться хорошим манерам, уже слишком поздно.

Даймонд неуверенно улыбнулась мне в ответ и нежно погладила меня по перчаткам:

– Эх, Ворриор, ты так быстро выросла. Когда это произошло? Еще вчера я читала тебе сказки на ночь, а сегодня ты уже думаешь о пенисах.

Я показала ей язык.

– Я только думала о том, что может произойти с парнем, который меня поцелует, и пришла к выводу, что у него отвалится пенис.

Кристалльно-голубые глаза Даймонд озорно заблестели.

– Только представь это. Он тебя целует, а у него пенис отваливается! – Ее смех звучал, словно звон колокольчиков. Уголки моих губ дрогнули. – Весь мир мужчин будет тебя бояться!

– Ой, заткнись! – Я с улыбкой взяла сэндвич и осмотрела его сероватые внутренности. – Кроме того, он может просто сойти с ума... кто знает. Глупо думать об этом. Я все равно умру девственницей.

Даймонд тут же прекратила хихикать и со страдальческим видом посмотрела на меня:

– Не говори так, Ворриор, должен же быть какой-то выход.

– Нет. Точно не для меня. – Я подняла сэндвич и откусила от него кусок.

Это было ошибкой. Даже первый кусок так сильно пах гнилью, что у меня к горлу подступила желчь. Я склонилась над тарелкой и выплюнула сэндвич. Слезы обжигали мне глаза, пока я попыталась смыть этот вкус со своего языка с помощью колы.

– Что случилось?

– Фу! Я думаю, рыба испортилась! – Я сделала еще глоток. Вкус никуда не смывался. Он прилип к моему языку, словно пепел.

– Ты что-то позеленела. С тобой все в порядке?

Я вздрогнула от отвращения, но тем не менее кивнула в ответ. После этого я взяла тарелку с сэндвичем и бросила его в мусорку под раковиной.

– Да, но теперь у меня явно пропал аппетит. Принимая во внимание мою везучесть, я еще и рыбой отравиться могу.

– Не самая лучшая твоя неделя, да?

– Это точно, – фыркнула я и снова упала в кресло.

– Почему ты вдруг задумалась о поцелуях? Не пойми меня неправильно, я знаю, что тебе уже девятнадцать, но ты еще не видела никаких парней, кроме Мэдокса, и не интересовалась мальчиками.

Я с удивлением подняла глаза. Даймонд положила ногу на ногу и с любопытством смотрела на меня. Ее внезапное стремление поболтать казалось мне жутковатым. Мы целую вечность так много не говорили. Даймонд была служанкой Геры на Олимпе и много путешествовала. Так как она была почти на десять лет меня старше, у нас было не особо много общего.

– У меня, может быть, и есть небольшие сложности, но я же не мертвая, Даймонд! Разумеется, меня интересуют поцелуи. Тебя что, нет?

– Да, конечно, интересуют. – Даймонд задумалась и смущенно облизнула свои тонкие губы. – Я начала встречаться с парнями, когда мне было четырнадцать. Но ты, правда, никогда не давала понять, что тоже интересуешься парнями.

– Что? – Я недоверчиво посмотрела на нее. – Ну, во-первых, вы никогда не спрашивали, встречаюсь ли я с кем-то. Во-вторых, нет никакой разницы, хочу я этого или нет. Этого все равно никогда не случится. Я в любом случае провожу почти все свое время в Аваддоне, и единственные мужчины, с которыми я общаюсь, – мои братья. А они часто наталкивают меня на мысли о том, что лучше мне стать лесбиянкой.

– Ну, не знаю. Они же все хорошо выглядят, не так ли?

– Меня от них тошнит!

– Правда? Но ты ведь проводишь время с самым юным из них? Или нет?

– Ты про Мэдокса? Он... другой. Но я бы точно не хотела с таким встречаться. Когда он был маленьким, он бросался в меня козьяками.

Даймонд скривила лицо от отвращения:

– Фу... понятно. А есть ли кто-то, кто тебе нравится?

– Нет, я... – Я увидела в своих мыслях синие волосы и серебристые глаза. Я быстро покачала головой, изгоняя это воспоминание из своих мыслей, и сжала руки в кулаки. Я уже была готова поставить себе диагноз: тяжелая форма стокгольмского синдрома.

– Нет, – коротко ответила я. – Никто не нравится, и пусть так все и остается.

В комнате повисла неловкая тишина. Никто из нас двоих не знал, что еще сказать.

Даймонд снова странно на меня уставилась.

– Я слышала о твоём столкновении с парнем, который сбежал из Тартара.

Ага, так вот откуда ноги растут.

– И?

– Ты, должно быть, испугалась его.

Я нерешительно пожала плечами:

– Немного. Он был однозначно сумасшедшим. Хорошо, что он снова в Тартаре.

– Ммм...

Мне было сложно истолковать взгляд Даймонд. Я нервно елозила на стуле. Этот разговор становился все более странным.

– Тебе не стоит волноваться. Тартар – самая надежная тюрьма Подземного мира.

– Я знаю.

– Правда?

– Если хочешь, я могу дать тебе интересную книгу по этой теме. Там рассказывается о Тартаре и тех, кто там сидит. Если хочешь, я тебе ее одолжу.

– Э-м... с радостью. Спасибо!

Даймонд с улыбкой встала со стула.

– Хорошо. Я положу ее под твою дверь. А теперь мне надо возвращаться на Олимп. Если тебе что-то вдруг понадобится, позвони мне. И не забывай о своем домашнем аресте! Оставайся дома. Иначе мать точно оторвет мне голову. Я попрошу Софию приготовить что-нибудь приличное.

– С-спасибо. – Я снова заикалась. Озадаченная, я смотрела, как Даймонд, словно богиня, вылетела из кухни.

Что это было? Я в замешательстве почесала голову. Часы над кухонным островком тихо тикали. В доме царила тишина. В целом, как и всегда. Поместье было слишком большим для четырех людей. Можно было бродить по нему несколько дней и никого не встретить.

Руби принадлежал известный ночной клуб в центре Лондона, а Опал была известной международной моделью. Обе спали днем и гуляли по ночам. Обычно у меня с этим не было никаких проблем. Я уже привыкла быть одна. Сегодня, правда, меня это беспокоило. Я чувствовала себя одинокой и немного потерянной. Кроме того, призраки вчерашнего дня снова и снова меня преследовали. Я вздохнула и поставила тарелку в раковину. Запах присохшей к уже лежавшей там посуде еды поднялся к моему носу. Мне тут же стало дурно, и я побежала прочь из кухни. Я слышала, как ветер стучится в двери. Гром подорвал тишину. Странно-интенсивный запах озона смешался с моим запахом роз и, кажется, следовал за мной по пятам. Я просто не могла избавиться от этого удивительного чувства. Я впервые ощутила его вчера, а с тех пор мне кажется, что по моим венам течет чистый адреналин. Я услышала странный звук и остановилась посреди темной прихожей, на полу которой прыгали тени уличных молний. По моим рукам побежали мурашки. Господи, как страшно. В моей голове проносились сцены из фильмов ужасов, напоминавшие мне мою ситуацию. Я напряженно вслушивалась в рев ветра. Очередная молния пронеслась по небу, освещая обнаженную статую Афродиты, лицо которой из-за теней стало пугающим. Мое сердце колотилось. Я тяжело сглотнула, мой язык прилип к небу и...

Динь-дон!

– Ай! – Я подпрыгнула на метр в высоту, размахивая руками и ногами.

Динь-дон! Динь-дон! Динь-дон!

– Проклятье! Может, кто-нибудь уже откроет дверь? София? Ты где?

Я услышала сонный хрип из комнаты, и в коридоре вдруг появилась изможденная и похожая на зомби фигура. Я снова вскрикнула. Человек рядом со мной тоже закричал. Как только я хотела нанести сокрушительный удар, у предположительного монстра с лица упали кусочки огурца. Моя сестра Руби мрачно и сонно смотрела на меня. Ее волосы во сне превратились в птичье гнездо. Она была завернута в слишком длинный халат и размахивала его рукавами, визжа в мою сторону.

– Что за ерунда, Ворриор? – сказала она. – Открой уже дверь. Мне нельзя выходить в таком виде! Я выгляжу как...

– Болотный монстр? Шрек? – задыхаясь, подсказывала я ей. С ее рыжими волосами и зеленой маской на лице она и вправду напоминала Фиону из Шрека. Я ухмыльнулась, но мое сердце все еще бешено колотилось.

Динь-дон!

В квартире снова раздался звонок, искажаемый звуками бури.

– Открой дверь, – прошипела Руби и снова исчезла в своей комнате наверху.

– Это было очень страшно! – крикнула я ей вслед и в ответ получила вытянутый средний палец. Я скорчила рожу за ее спиной и открыла дверь. Я чуть не взвизгнула во второй раз. Передо мной склонился мрачный великан.

– Дерьмо!

– И тебе привет, Ворриор, – проворчал гость и зашел в дом. Я отшатнулась и зажмурилась, когда мужчина-монстр потряс головой, как собака.

– Пфф, Брейв, делай это в каком-нибудь другом месте! – попросила я, защищая руками лицо.

– Извини. Даймонд дома? – спросил Брейв, сын Зевса и парень моей сестры.

– Может быть, она еще наверху... но она, похоже, собиралась уходить. Я не знаю точно, – ответила я, слегка приоткрыв глаза и наблюдая за неуклюжим сыном бога. Брейв был Кеном во плоти. У него были кубики на животе, улыбка, как из рекламы зубной пасты, и светлые волосы, как у серфера. Если бы он не встречался с моей сестрой уже несколько лет, я бы поставила на то, что он гей. Брейв в замешательстве заворчал и уже хотел подняться наверх, как я увидела, как что-то течет из его носа.

– погоди! Мне кажется, у тебя из носа течет кровь.

Сын бога удивленно остановился на месте и вытер нос тыльной стороной ладони. Мне даже показалось, что я увидела, как там сверкнуло что-то серебристое, но струйка слишком быстро скрылась в его ладони.

– Все в порядке? – с беспокойством спросила я.

– Все хорошо! – Брейв одарил меня сияющей и немного глупой улыбкой. – Это, наверное, плохая погода в голову ударила. Бывает иногда, я слишком чувствителен к грозам. Спасибо, что сказала.

Он уже поднимался по лестнице, оставив слегка промокшую меня в замешательстве. Я нахмурила лоб и закрыла дверь. Позади меня бушевала буря. Несколько веток билось в стекло. Странно. Вслед за Брейвом я пошла наверх, и вдруг стало совсем тихо. Толстые стены поглощали почти каждый звук. Я тут же почувствовала себя одинокой и ощутила легкую паранойю. Казалось, что глаза на портретах следят за мной. У меня заболела голова.

Я остановилась перед своей комнатой. Даймонд положила перед дверью книжку, как и обещала. На ней была приклеена бумажка с надписью «Не испачкай ее!».

Вздыхнув, я смяла бумажку, подняла книгу и внимательно ее рассмотрела. Это был толстый пыльный том с серой потрескавшейся обложкой. Название стало нечитаемым. Выглядело однозначно как что-то очень веселое. С поднятыми бровями я зашла в свою комнату. Телевизор все еще работал. Баффи отправила ангела в ад ударом ноги с разворота, но мне интереснее было рассматривать книгу у меня в руках. Она источала запах старого пергамента, чернил, и... если бы тайны могли пахнуть, они бы пахли именно так. Сделав глубокий вдох, я села на кровати, скрестив ноги, сняла перчатки и открыла произвольно страницу посреди книги. Из нее выскользнула закладка. Как будто Даймонд пометила это место для меня.

Тартар (греческ. Τάρταρος, латинск. Tartarus) – персонифицированная часть Подземного мира в греческой мифологии, которая находится под адом (который также называется Аваддоном). Говорят, что он так глубок, что медной наковальне, упавшей с земли в Тартар,

потребовалось девять дней, чтобы достичь его; столько же ей потребовалось, чтобы упасть с небес на землю.

Я на мгновение остановилась. Интересно, какому чудику в голову пришла идея бросить наковальню с неба? А что, если бы она упала кому-нибудь на голову? Я практически вижу перед собой кричащие заголовки: «Налоговый консультант убит наковальней! Боги отказывают в компенсации!» Хихикнув, я перевернула страницу и стала читать дальше.

Тартар является тюрьмой Подземного мира. К вечным мукам были приговорены Титий, Иксион, Окн, Данаиды, Сизиф и Тантал, сын Зевса. В «Федоне» Платона «судьба» низвергает в Тартар тех, кто либо «часто и помногу грабил в храмах, либо убийц, многих погубивших вопреки справедливости и закону, либо иных схожих с ними злодеев». Им большие никогда не выйти из Тартара.

Ух ты. Секунду. Это же... Возможно ли это? Нет! Я в ужасе еще раз прочитала строчку. *К вечным мукам были приговорены Титий, Иксион, Окн, Данаиды, Сизиф и Тантал, сын Зевса. Тантал, сын Зевса. Тантал, сын З...* Тантал! Пиас Тантал!

Господи! Мой рот открылся. Мой похититель с идиотским именем Пиас на самом деле обладал еще одним именем – Тантал. Но...

Нет! Просто невозможно, это был всего лишь сон. Несомненно, чрезвычайно динамичный и реалистичный сон. Вероятно, это было просто случайностью. Зевс не мог оставить своего сына гнить в Тартаре. Кроме того, я знала детей Зевса. Близнецов, если быть точнее. Девочку звали Вайоленс, и она, оправдывая свое имя, была чертовой дрянью. Ее брат Брейв много лет встречался с моей сестрой Даймонд. Они со своими светлыми волосами, голубыми глазами, неземной красотой и силой однозначно стали звездами мира богов. Даже Афродита буквально купалась в признании других богов, которое она получила благодаря отношениям ее дочери с Брейвом. О моем существовании она предпочитала умалчивать. В какую бы комнату я ни заходила, наступала неловкая тишина. Удручающе, но мне все равно. Я снова уставилась на имя под своими пальцами.

Неужели мой сон не был выдумкой и реакцией моего мозга на травмирующую встречу? Вероятнее всего, Тантал родился у Зевса давно. Если судить по тому, какой старой была книга, он жил, должно быть, несколько тысяч лет назад. Он был уже давно просроченной колбасой. В общем, у меня не было причин поддаваться панике. Успокоившись, я листала книгу дальше. Может, найду еще что-нибудь об этом Тантале. Уже на следующей странице я снова наткнулась на его имя.

Боги низвергли Тантала в Тартар и обрекли его на вечные муки, которые стали именем нарицательным – «танталовы муки».

По моим рукам пробежали мурашки. Это звучало ужасно. Мои пальцы задрожали, когда я искала объяснение тому, почему Тантал был проклят, однако я ничего не нашла, поэтому разочаровалась. Без особого интереса я подняла взгляд на телевизор и увидела Баффи, которая бежала охотиться со своими друзьями-демонами. В тот самый момент, когда истребительница вампиров должна была нанести удар злодею, настала рекламная пауза. И началась чрезвычайно раздражающая реклама Momondo: «Нам плевать, что вы будете делать во время своего отпуска. Мы найдем для вас лучший рейс!»

Из-за быстрых смен кадров мне казалось, что цвета были слишком яркими. В ушах что-то жужжало, будто я могла слышать, как ток течет по жидкокристаллическому экрану. Перед глазами все поплыло. Возможно, это случилось давно, но теперь пульсация в висках стала такой

сильной, что я больше не могла ее игнорировать. Плохая погода явно меня добила. Я и раньше достаточно чувствительно реагировала на смену температур, а буря заставляла мой череп раздуваться, будто воздушный шар. Как только я захотела уменьшить громкость на телевизоре, снаружи ударила молния, осветившая все вокруг ярким дневным светом. Картинка на телевизоре распалась на пиксели. Мою голову пронзила резкая боль.

– Ай! – Ругаясь и морщась, я почувствовала, будто в моем носу что-то взорвалось. Снаружи бушевал гром. Из-за этого гула волосы на моей шее, в который раз за последние дни, встали дыбом, и я ощутила, как теплая кровь потекла из моего носа.

– Дерьмо! – Я быстро перевернулась на бок и нащупала платок на тумбочке. Кровь хлестала из моего носа и капала на пол.

Что это такое? Кровь была не красной, а серебряной. Она блестела в дрожащем свете телевизора, словно чистая ртуть. Я прижала платок к носу. Что со мной происходило? Вчера в крови было всего несколько серебристых полос, а сегодня она была полностью окрашенной в серебряный цвет. Это вообще нормально? Я беспомощно подняла глаза, и мой взгляд упал на окно, за которым буря превратилась в настоящий ураган. Ветер яростно шатал деревья, и они прогибались под силой природы. Этот рев напоминал мне лай церберов, когда те выходили на охоту. Я беспокойно прижала платок еще сильнее к носу и попыталась игнорировать факт того, что кровь была сладкой, словно жженный сахар. Это тоже было ненормально, не так ли?

«Повсюду в мире сообщается об экстремальных погодных феноменах».

Моя голова повернулась в сторону телевизора, где шли новости. Сейчас что, уже четыре часа дня? Каким образом время пролетело так быстро? Ведущая новостей с красными губами, из-за которых она выглядела как разукрашенный клоун, смотрела на экран рядом с собой, на котором промокнувший до нитки корреспондент что-то кричал в микрофон. Позади него одна молния сменялась другой. Я быстро схватила пульт и сделала погромче.

– В Марокко, Берлине, Париже, Нью-Йорке и Лондоне имеет место невероятный природный катаклизм. Зарегистрированы данные о силе ветра по шкале от семи до девяти баллов. Особенно поразителен цвет молний. – Запись с камеры продемонстрировала голубые и красные молнии, сильно ударяющие по деревьям и домашним антеннам. Земля грохотала от следующего за всем этим грома. – Мы не знаем, как долго продлится этот катаклизм, но мы все же рекомендуем вам оставаться в своих домах, пока эти невероятные порывы ветра не затихнут.

Улыбнувшись словно кукла, блондинка-ведущая повернулась к камере:

– Спасибо, Стивен. Судя по всему, сегодня погодные боги не в лучшем настроении!

– Зевс, наверное, очень зол, – беспокойно пробормотала я. Снаружи, словно подтверждая мои слова, снова заревела буря. Тянувшийся и мучительный рев заставил волосы на моей шее встать дыбом.

– Церберы! – Псы Аида все еще сидели там, как мои няньки. Я с тревогой подскочила с кровати и побежала к окну. Пол был холодным. Жужжание в моей голове становилось все громче. Я споткнулась о свои же ноги и упала на кровать. Комната качалась так, будто мы плыли по волнам. Мои колени стали мягкими, словно пудинг. Снаружи снова ударила молния, но она выглядела... странно. Из всех сил пытаюсь игнорировать головокружение, я встала у окна. Мои глаза округлились. Я откинула голову назад и уставилась вверх. Обычно серые, лондонские облака сегодня были цвета воронова крыла, а дождь, падающий с небес, выглядел будто смола или сера. Сверкающие синие вспышки освещали края облаков, которые выглядели как пропасть Аваддона. Время от времени белые молнии вырывались из облаков и ударялись о голубые, словно пытаюсь их удержать. Они рассыпались над Лондоном одна за другой. Яркий свет почти обжигал мою сетчатку, а кожа все больше покрывалась мурашками. В самом воздухе чувствовалось напряжение. Это было демонстрацией дикой, необузданной силы. Зачарованная, я смотрела на стихийное бедствие снаружи, и меня не покидало такое чувство, что кто-то смотрит на меня в ответ. Я считала себя сумасшедшей, но объяснить себе этого не могла.

Мне показалось, что эта буря смотрит на меня. В моих ушах звенело и шумело. Громко. Стекло вибрировало. Я испуганно прищурилась, как вдруг гигантская голубая молния осветила все вокруг. Я слышала, как она прогремела, и за этим последовал взрыв. Молния оглушительно поразила дуб прямо перед моим окном. Время словно замедлилось, когда ветви огромного дерева падали во все стороны. По стеклу побежали трещины. Я стояла неподвижно, словно курица, которой только что отрубили голову, и смотрела за происходящим. Дерево угрожающе склонилось в мою сторону, и я услышала оглушительный треск.

– Черт! – Ругаясь, я повернулась и хотела было бежать, но дерево уже разбило окно, и осколки полетели во всех направлениях. В панике я побежала прочь, но что-то ударило меня по голове.

Я упала на пол. Боль была всеобъемлющей. Я со стоном перевернулась на спину и открыла глаза. Поломанная ветка толщиной с меня пронзила уже разрушенную стену. Ветер и дождь прорвались в комнату. Слово острый меч, вертикально расколотый ствол упал на меня так быстро, что я не успела даже вскрикнуть. Острый брусок вонзился в мой живот. Он вошел прямо в мой кишечник и пригвоздил меня к полу. Теперь я все-таки закричала – и тут же потеряла сознание.



Глава 8

Из моего живота торчит дерево!

Учитывая, как часто я падаю в обморок, меня не удивит, если вскоре у меня поедет крыша. С моими генами это все равно лишь вопрос времени. И все же мне казалось, что терять сознание означает падать в темноту, тишину и покой. Или нет? Тут точно было темно. Но я слышала голоса! Причем чертовски много голосов, и они были очень громкими:

- Вот и новенькая!
- Ты понимаешь, что это за сила?
- Что это такое?
- Судьба окутана тьмой...
- Ты нас слышишь?
- Почему тут так ужасно пахнет?.. Или кто это сделал?..
- Тут слишком светло.
- Еще очень слабая. Надо бы поспать.
- Я бы хотел картошку фри с майонезом и кетчупом.
- Старики найдут ее.
- Тебе не кажется, что пахнет чем-то странным?
- Еще совсем немного – и мы возвысимся!
- Скоро...
- Любовь несет за собой разрушение.
- Кто снова использовал всю туалетную бумагу?
- Seriously! Что за запах?
- Розы!

– Я чувствую тебя! – Мужской голос прорвался в мою голову, затмив собой все остальные. Я его знала – он принадлежал Пиасу. Холодные серебряные глаза прервали темноту, в которой я блуждала. Класс, теперь в моем обмороке даже не темно!

– Я чувствую тебя. Ты зовешь меня, снова и снова. Иногда громко, иногда тихо. Это чувство заставляет мои внутренности переворачиваться. Где ты? Где ты? Где ты? Где ты?

Я, задыхаясь, открыла глаза. В моем черепе так гудело, будто кто-то кричал мне на ухо. Потеряв ориентацию в пространстве, я хлопала глазами, пытаюсь вытеснить тень из своего поля зрения. Почему я лежала на спине? И почему мой живот так болел? Почему... ой, толстый ствол, торчавший во мне, вероятно, был всему объяснением.

– Что за?.. – Я в ужасе уставилась на штуку в своем животе. Несколько веток щекотало мой нос. Я в панике отмахнулась от них и оглядела следы разрушения в своей комнате. Дерево со всей силой проломилось сквозь окно и стену. Корявые ветви упали на пол и раздробили всю комнату на части. Пол был проломлен. От моего телевизора осталась лишь жалкая груда хлама, из которой торчала пара кабелей. Покойся с миром.

Лампы, столы и шкаф тоже были раздроблены или разломаны на части. Надо мной висели розовые трусы с Hello Kitty – подарок Мэдокса на День святого Валентина. Откуда они вообще здесь? Я ахнула, задыхаясь и чувствуя, как меня охватывает холодный ужас. Мои мышцы дрожали и, вероятно... нет, у меня точно была паническая атака! Моя комната, моя жизнь – все это разбилось на мелкие осколки. Афродита точно свернет мне шею за этот бардак. Остается лишь вопрос, почему я все еще жива. Я снова уставилась на свой живот. Мой мозг был явно ошеломлен открывающимся мне видом. Ствол дерева пронзил меня в области пупка. Он проходил

сквозь мое тело. Судя по всему, я лежала в своей собственной луже крови. Это что там, кусок кишечника? Я не была экспертом в области биологии, но то, что я видела, было подозрительно похоже на важнейшую часть моей пищеварительной системы, и она торчала из-под дерева. О господи, о господи, о господи. Как там называли эту часть? Двенадцатиперстная кишка? Теперь меня еще и тошнит. Может быть, эта кишка и вовсе никому не нужна? Может, это было таким же рудиментарным органом, как аппендицит? Ха! Точно! И наверняка дерево не так глубоко вошло в меня, как я думала. Вероятно, это была лишь поверхностная царапина, лишь слегка задевшая мою плоть. Я неуверенно схватила ствол и потянула его из своего живота. Вслед за ним я вытащила кучу своих внутренностей. Я в ужасе отпустила дерево и подавила истерический визг. У меня гипервентиляция. У меня совершенно точно гипервентиляция! Это конец. Я в заднице. Я отброшу коньки, склею лапы, откину копыта, окочурюсь.

– О господи! Господи! – Я снова подтолкнула кусок дерева, пронзившего меня, словно шашлык. Мой желудок сжался при виде всего этого. Он был влажным и достаточно мясистым. О нет, теперь меня точно стошнит. На мои глаза навернулись слезы, и я напряженно пыталась сглотнуть желчь. В моем животе зияла рана, и я, кажется, видела свою тонкую кишку, по крайней мере, мне казалось, что она выглядит именно так. Это зрелище я запомню надолго. Было немного похоже на венские колбаски. Я задыхалась от накатывающих приступов тошноты. И что мне теперь делать? Я беспомощно огляделась. Дождь все еще бился в разбитое окно. В комнате было жутко холодно. Стоит ли мне пытаться вытащить из себя эту ветку? Но что волновало меня еще больше... что скажет об этом хаосе моя мать? Я, как и было приказано, оставалась в своей комнате и делала ровно то, что должна была. Значит, она не может на меня злиться. Не так ли? *Не так ли?!*

Вероятно, мне стоило оставить дерево на месте. Возможно, оно как раз предотвращало дальнейшие кровопотери. Откуда мне знать, я же не врач, господи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.